

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ХЬЕЛЛЬ ОЛА ДАЛЬ

ЧЕЛОВЕК В ВИТРИНЕ

Хьелль Ола Даль написал отличный, захватывающий детективный роман со множеством нюансов. У автора нет никаких причин прятаться в тени Хеннинга Манкелля.

Zillo

Франк Фрёлик

Хьелль Ола Даль
Человек в витрине

«Центрполиграф»

2001

Даль Х.

Человек в витрине / Х. Даль — «Центрполиграф»,
2001 — (Франк Фрёлик)

Убит пожилой владелец антикварного магазина Рейдар Фольке-Есперсен. Обнаженный труп выставлен на всеобщее обозрение в витрине магазина. На лбу и груди убитого нарисованы буквы, цифры и непонятные знаки. Подозреваемых немало: молодая вдова; сын, который терпеть не может свою мачеху; братья, которым не терпится продать магазин, и неизвестная красавица, фотографию которой находят в кабинете Фольке-Есперсена. Дело вести поручено инспектору Гунарстранне и его заместителю Фрёлику.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	27
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	30
Глава 9	30
Глава 10	47
Глава 11	50
Глава 12	54
Глава 13	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Хьелль Ола Даль Человек в витрине

Что вижу я? Кинжал!
Дай мне схватить тебя за рукоять!
Ты ускользаешь, но тебя я вижу.
Иль осязанию недоступен ты,
Как зрению? Ты – призрак роковой,
Кинжал мечты, дитя воображенья,
Что породил разгоряченный мозг.

Шекспир. Макбет¹

¹ Перевод С.М. Соловьева. (Здесь и далее примеч. пер.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пятница, тринадцатое

Глава 1

ДАМА ПОД ДОЖДЕМ

Утро тринадцатого января, пятницы, выдалось сумрачным. Для Рейдара Фольке-Есперсена начало дня ничем не отличалось от других на протяжении последних пятидесяти из его семидесяти девяти лет. В пятницу, тринадцатого, он сидел на кухне один с расстегнутыми подтяжками. Перед ним на столе стояла миска с овсяной кашей. Тишину нарушало лишь ритмичное звяканье ложки о дно миски. Под ярко-голубыми глазами Фольке-Есперсена залегли большие мешки. Подбородок зарос короткой седой бородкой, за которой он всегда старательно ухаживал. На больших, натруженных руках выступали вены; они уходили от кистей вверх и скрывались под закатанными рукавами рубашки. Такие сильные руки вполне могли бы принадлежать лесорубу или кузнецу.

Аппетита у Рейдара не было. По утрам у него никогда не бывало аппетита, но он, считая себя человеком просвещенным, знал: желудку необходимо задать работу. Вот почему он начинал каждый день с миски овсянки, которую варил сам. Если бы кто-то спросил, о чем он думает за завтраком, он бы, скорее всего, не ответил. За едой он сосредоточенно считал ложки. Двадцать три... звяк... хлюп... двадцать четыре... звяк... хлюп... По опыту Рейдар знал, что в его миске бывает от тридцати восьми до сорока четырех ложек каши. Если во время ежедневного упражнения у него и просыпалось любопытство, то относилось оно только к тому, сколько еще ложек осталось до конца.

Пока муж завтракал, Ингрид Есперсен нежилась в постели. Она всегда вставала позже мужа. В тот день она залежалась до половины девятого. Потом завернулась в белый купальный халат и устремилась в ванную с подогретым полом. Плитки в ванной оказались почти горячими – на них невозможно было долго стоять босиком. Ингрид на цыпочках подошла к круглой душевой кабине, включила воду и не спеша приняла горячий душ. У них было центральное отопление, обеспечивавшее тепло и уют во всей квартире, но, поскольку ее муж не выносил жары в спальне, он, перед тем как лечь спать, всегда выключал радиатор. За ночь спальня вымерзала. И хотя ночью Ингрид Есперсен укрывалась толстым пуховым одеялом, ей нравилось нежиться под горячим душем, разогревать руки и ноги, чтобы кровь быстрее бежала по жилам. В феврале Ингрид исполнялось пятьдесят четыре. О надвигающейся старости она думала со страхом, но волновала ее не внешность. Ее тело до сих пор оставалось гибким и податливым – наверное, благодаря тому, что она в прошлом была танцовщицей и всегда знала, как важно поддерживать себя в хорошей форме. Ее талия оставалась почти девически стройной, длинные ноги – мускулистыми. Хотя грудь у нее уже начинала обвисать, а бедра утратили юношескую округлость, она довольно часто ловила на себе восхищенные взгляды мужчин. Волосы у нее сохраняли естественный темный цвет с оттенком рыжины. Ее слабым местом были зубы. В ее время не принято было следить за зубами с детства. Вот почему потемневшие старые пломбы на двух зубах пришлось заменить коронками.

Она стремилась держать себя в форме главным образом из-за любовника, Эйольфа Стрёмстеда. Любовник был намного моложе, когда-то он учился в ее балетном классе. Ингрид не хотелось, чтобы, когда их видели вместе, разница в возрасте бросалась в глаза.

Она выключила воду, вышла из кабинки и подошла к зеркалу, запотевшему от пара. Когда она подумала о том, что любовнику может не нравиться ее улыбка, ей стало не по себе.

Сначала она придирчиво разглядывала свои зубы, скалясь в зеркало. Потом, не вытирая зеркала, осмотрела свою фигуру. Прижала правую руку к животу и выгнула шею. Такой маневр давал ей возможность осмотреть поясницу и мускулистые бедра.

Правда, в тот день Ингрид не закончила ритуала. Услышав, как хлопнула входная дверь, она застыла на месте, глядя на свое отражение. Муж ушел на работу, даже не попрощавшись! Непонятное поведение Рейдара заставило ее на время забыть обо всем. Она смотрела перед собой невидящим взглядом. Потом, опомнившись, неприязненно покосилась на зеркало. Она взяла станок и провела бритвой по ноге, но как-то механически, безо всякого удовольствия. Мысль о предстоящем свидании с любовником уже не радовала ее.

А что же муж? Доев кашу, он надел пальто и, не говоря ни слова, медленно вышел из квартиры. Еще немного постоял за дверью, вытянув шею и прислушиваясь к шуму льющейся воды. Он живо представил себе Ингрид: закрыв глаза, с мокрыми ресницами, она дышит ртом под струями обжигающе горячей воды, стекающими по ее лицу и телу. Рейдар Фольке-Есперсен уже больше десяти лет практиковал воздержание. Он не прикасался к жене. Хотя супруги давно уже не жили половой жизнью, со стороны они производили впечатление любящей пары. Друг к другу они относились предупредительно и нежно. И это было не просто видимостью. Хотя интимная близость сошла на нет, их отношения до сих пор подчинялись условиям негласного договора – своего рода психологического контракта, содержавшего в себе все необходимые элементы взаимоуважения и готовность принимать другого со всеми его слабостями и странностями. Например, оба мирились с храпом по ночам. Они понимали, что у каждого есть свои недостатки и требуются дополнительные усилия, чтобы их принимать, но это смягчалось тем, что оба по умолчанию желали друг другу добра.

Еще три года назад Ингрид считала добровольное воздержание мужа причудой судьбы; она мирилась с вынужденным обетом безбрачия, решив, что он поможет ей лучше ценить время, которое она до сих пор бездумно тратила на удовлетворение своих физиологических потребностей. Но когда, года три назад, она позволила бывшему ученику оседлать себя и стройный, мускулистый красавец немедленно возбудился и излил на ее грудь и живот целый фонтан спермы, Ингрид Есперсен впервые за долгое время по-настоящему успокоилась. С любовником привычная повседневная жизнь перешла в новое измерение. Любовник угадал ее голод, на который Ингрид до тех пор старалась не обращать внимания, и утолил его. В тот, первый раз она чуть не задушила Эйольфа в объятиях. Гладила его гибкую спину, его мускулистые бедра. Закрыв глаза, исследовала каждый кусочек его тела, радуясь своим открытиям. Наконец-то ее жизнь обрела цель и смысл. Она ласкала его, прищурившись и купаясь в море наслаждения. Впервые за долгое время, сжимая в руке мужское достоинство бывшего ученика и рассеянно глядя, как солнечный луч, проникший в комнату между щелями жалюзи, освещает полку и преломляется о стеклянную фигурку пингвина, расцвечивая его всеми цветами радуги, Ингрид Есперсен поняла: встреча с Эйольфом окажет важное влияние на всю ее последующую жизнь.

Оба отнеслись к случившемуся как к самой естественной вещи на свете. Они снова встретились уже через неделю. Теперь, три года спустя, им больше не нужно было заранее назначать друг другу свидания, писать или звонить. Каждую пятницу они встречались у него на квартире в одно и то же время: в половине двенадцатого дня. В другие дни они не виделись; возможно, поэтому их тоска друг по другу не остывала и они ласкали друг друга с прежним пылом. Ингрид с нетерпением ждала этих еженедельных свиданий с Эйольфом, как ждала бы приема у педикюрши или психоаналитика. Любовник поддерживал ее душевное спокойствие и психическую уравновешенность. Ей казалось, что и молодой человек относится к их встречам точно так же. Шли недели, месяцы; они продолжали встречаться регулярно, привыкли, притерлись друг к другу. Ингрид получала от общения с любовником не только физическое, но и психологическое наслаждение. И хотя они не обсуждали свои чувства, она принимала как

данность то, что он так же радуется их встречам и так же ждет новых свиданий; даже в те дни и ночи, когда он с другими, он представляет рядом с собой в постели именно ее.

Приняв душ, вымыв голову, побрив ноги, нанеся на кожу лосьон, покрасив ногти на ногах, нарумянившись, накрасив губы, ресницы и – пожалуй, самое главное – замаскировав морщинистые мешки под глазами, Ингрид Есперсен снова надела халат, туго подпоясалась и пошла бродить по квартире. На несколько секунд задержалась на кухне. Ее внимание привлекла стоящая на столе миска с деревенским орнаментом Пошгруннского фарфорового завода. На доньшке оставалось немного овсяной каши, сваренной на обезжиренном молоке. Она механически помыла миску, заметив, что ложку Рейдар все-таки сунул в посудомоечную машину. Взятый из холодильника пакет молока он поставил назад, в дверцу. На холодильнике лежал аккуратно сложенный утренний выпуск газеты «Афтенпостен». Рейдар к нему не прикоснулся.

Зато он сварил кофе в кофемашине, стоящей на рабочем столе. Ингрид перелила горячую жидкость в кофейник и посмотрела на часы. Половина десятого, до встречи с Эйольфом целых два часа. Через полчаса сын Рейдара от первого брака откроет принадлежащий его отцу антикварный магазин на первом этаже. Ингрид собиралась спуститься вниз с кофейником, попить с пасынком кофе и пригласить его с женой и детьми вечером к ужину. Желая убить время, она включила радио и присела на диван в гостиной, разложив перед собой газету.

Глава 2

ПАПИРОСНАЯ БУМАГА

Выйдя из дому, Рейдар, вопреки обыкновению, не поехал на тихий склад на улице Бертраана Нарвесена в Энсьё. Вместо того чтобы повернуть налево, в гараж, где стояла его машина «опель-омега» 1987 года, он зашагал пешком в противоположную сторону. Повернул на Бюгдэй-аллее и, ежась от холода, дошел до газетного киоска на углу. За киоском, на стоянке такси, в ряд выстроились три машины – свободные, судя по включенным «шашечкам». Сначала Рейдар купил в киоске «Дагбладет», «Вердене Ганг», «Дагсависен» и «Дагенс Нориннслив». Он еще немного постоял, просматривая первую полосу «Афтенпостен» и думая о жене: сейчас она, наверное, тоже читает газету. Потом он отказался от «Афтенпостен», заплатил за четыре остальные газеты и подошел к первому такси – «ситроену-ксантии». Газеты он бросил на заднее сиденье. Таксист оказался доморощенным политиканом; его суждения отличались остроумием и резкостью – действующим политикам не мешало бы прислушаться к нему. Время от времени он отпускал настоящие перлы о международном положении и охотно делился сплетнями о членах королевской семьи. Хотя обычно Рейдар с удовольствием беседовал на отвлеченные темы с таксистами, парикмахерами и подвыпившими завсегдатаями кафе, в тот день он остался равнодушным ко всем попыткам водителя втянуть его в разговор. Он велел отвезти его на улицу Якоба Олля, где расплатился и вошел в кофейню-кондитерскую. Утром в кофейне царила сонная атмосфера – большинство столиков оставались незанятыми. Только две молодые женщины устроились за единственным столиком у окна. Они болтали и пили кофе с молоком из высоких стаканов.

Вошедшему Рейдару приветливо кивнул молодой бармен в белой форме. Его щеки и лоб были усыпаны вулканическими прыщами, а короткие волосы были выстрижены на лбу в форме горнолыжного трамплина. Бармен узнал Рейдара, так как тот уже не в первый раз заходил к ним. Молодой человек вышел из-за стойки и спросил Рейдара, не хочет ли тот подождать свой заказ за столиком. Рейдар покачал головой. Заметив удивление парня, объяснил, что хочет посидеть у окна и потому подождет, пока уйдут две женщины. Бармен вытаращил глаза и закивал. Судя по всему, он решил, что у старика не все дома. Потом вернулся за стойку, где продолжил нарезать огурцы и салат.

Рейдар стоял у стойки и пристально смотрел на двух болтающих у окна женщин. Те вскоре почувствовали на себе его взгляд – им стало не по себе. Через несколько минут их беседа иссякла. Вскоре обе допили кофе и попросили счет. Выходя, они застряли в дверях и напустили холода в зал.

Рейдар сел на стул, еще не остывший от прежней посетительницы, с трудом стащил перчатки, на второй стул положил кожаный кейс, открыл его и достал сегодняшние выпуски «Дагбладет», «ВГ», «Дагсависен» и «Дагенс Нориннслив». Все четыре газеты он сложил перед собой стопкой. Затем подал бармену знак. Молодой человек принес ему большую чашку дымящегося, обжигающе горячего черного кофе. Фольке-Есперсен закурил сигарету «Тедди» без фильтра и посмотрел на часы. Десять минут десятого. Он затаился, положил сигарету на край пепельницы и повернулся к окну. Взгляд его упал на парадную дверь дома напротив. Не пройдет и двух часов, как эту дверь распахнет его жена Ингрид, спешащая на любовное свидание. Мысли Рейдара снова устремились к ней; он представил, как она сейчас возлежит на диване в изящной позе, закутавшись в белый халат, и читает «Афтенпостен». Рассеянно затянувшись, он попытался представить, как Ингрид ведет себя в постели с любовником.

Он вспоминал разные этапы жизни, проведенные им совместно с Ингрид. Когда они познакомились, Ингрид показалась ему хрупкой и ранимой. Давние воспоминания смешивались с образом вполне крепкой и весьма самоуверенной женщины, которая каждую ночь засы-

пала рядом с ним. Она утаила от него какую-то часть своей души, спрятала ее. Неведомая ему часть Ингрид представлялась маленькой посылкой, упакованной в папиросную бумагу. Именно ее она извлекает, оставшись наедине с мужчиной, который живет в доме напротив кофейни. Рейдар невольно задумался. Может быть, она открывает любовнику ту часть своей души, к которой он когда-то безуспешно пытался пробиться? Интересно, так ли это, или та неведомая часть ее души навсегда пропала, растворилась, растаяла вместе с ее прежними хрупкостью и неуверенностью? Неужели он живет в одной квартире и спит в одной постели с той же самой женщиной, которую он когда-то надеялся полюбить?

Мысли его все время возвращались к тайне человеческой души, к ее созреванию и развитию характера. Он представил себе некоего скульптора и подумал: возможно, скульптор, создав шедевр, и может объявить, что конечный результат был с самого начала запечатлен в камне, над которым он трудился. С людьми все по-другому. Людей образуют не только гены, но и их окружение, их жизненный опыт и взаимоотношения с другими. Человек не рождается готовой личностью с установившимся характером. Он всерьез считал, что интерес к любовнику Ингрид объясняется той частью ее души, что упакована в папиросную бумагу, и вопросом, раскрывается ли она полностью с другим мужчиной. Дав себе такое объяснение, Рейдар ощутил нечто вроде укола ревности, но его ревность не была направлена на любовника как на человека. Нет, им овладело совсем иное чувство. Его ревность, похожая на болезнь, вовсе не была завистью к счастливцу, перед которым Ингрид раскрывала сокровища своей души. Рейдара пронзила боль, но какая-то притупленная, смутная. Наверное, подумалось ему, то же самое испытывают люди, которым ампутуют руку или ногу: еще долго их преследуют фантомные боли на месте отсутствующей конечности. И все же он решил, что слишком стар для того, чтобы копаться в себе и исследовать причины своей ревности. Он погрузился в уныние, поняв, что, сидя за столиком в кофейне, являет собой жалкое зрелище. Он пытался как-то оправдать свое поведение, но никак не мог разумно объяснить даже самому себе, почему слежка за женой превратилась для него в наваждение, почему ему непременно нужно видеть собственными глазами, как Ингрид каждую пятницу изменяет ему с Эйольфом Стрёмстедом. И все же он позволил себе заниматься самокопанием не больше нескольких секунд. Затем он решительно оттолкнул мрачные мысли и вернулся к активному утреннему развлечению: сигарете. Докурив, он смял окурок в пепельнице и взялся за верхнюю газету в стопке. Читал он почти два часа и оставил свое занятие, лишь увидев, как по тротуару напротив быстро шагает его жена. Закутанная в длинный серый плащ на меху и все равно дрожащая от холода, Ингрид Фольке-Есперсен вошла в подъезд дома напротив, даже не взглянув на маленькую кофейню. Рейдар понял, что выкурил слишком много сигарет. В ожидании он выпил две большие чашки кофе и бутылку минеральной воды. Когда его жена скрылась в подъезде, он бросил на коричневую дверь обиженный взгляд. Он невольно вздрогнул, когда молодой официант спросил, не нужно ли ему чего-нибудь еще. Рейдар посмотрел на часы. Когда его взгляд упал на круглый циферблат, он вдруг поймал себя на мысли: ну почему он всегда смотрит на часы, когда его о чем-то спрашивают? Он улыбнулся про себя, быстро потрянул головой и попросил счет.

Расплатившись, он оставил на столике щедрые чаевые – две монеты по десять крон. В конце концов, два часа назад он поступил довольно невежливо – фактически прогнал двух посетительниц. Встав из-за столика, он с деланным оживлением вышел на улицу и, шевеля пальцами замерзших ног, зашагал к Ураниенборгу на встречу с братьями.

Глава 3

УТОМЛЕННЫЕ

В квартире брата Арвида первым делом бросался в глаза белый экран в углу комнаты перед старомодным телевизором «Радионетте». Все были в сборе: молодой бизнесмен с супругой, сам Арвид и второй брат Рейдара, Эммануэль. Жена бизнесмена стояла рядом с креслом у окна, нервно ломала руки и то и дело поправляла длинные темные кудрявые пряди – ей было явно не по себе. Возраста она оказалась неопределенного – от тридцати до сорока. Темно-синее платье придавало ей немного официальный вид, хотя юбка была довольно короткая и обнажала красивые ноги.

Рейдар поднял руку и вежливо поприветствовал собравшихся.

Жена бизнесмена протянула ему тонкую руку. После рукопожатия она поспешно отбросила волосы со лба. От нее повеяло духами.

Рейдар повернулся к троим мужчинам. Первым он поздоровался с мужем красивой брюнетки, человеком среднего возраста. Тот не представился, зато кивнул в сторону жены:

– Иселин Варос.

Рейдар обернулся к брюнетке – та успела сесть в кресло.

– Моя партнерша по жизни и по бизнесу, – пояснил незнакомец.

На вид ему можно было дать около пятидесяти лет; его короткие курчавые волосы седели на висках. Он смотрелся бодрячком и напоминал биржевого брокера или спортивного комментатора. На встречу он явился в джинсах и красном пиджаке. Он щеголял модной двухдневной щетиной. Рейдару показалось, что серьга в ухе не красит его. Узкая верхняя губа в улыбке обнажала верхние зубы. Он как будто все время скалился, хотя невозможно было сказать, то ли у него просто такая манера, то ли нервный тик.

– Рейдар, ты с ней поосторожнее, – шутливо проворчал Арвид, кивая в сторону брюнетки. – Хватка у нее что надо!

Арвид внешне напоминал драматурга Августа Стриндберга в относительно сносном настроении: статный пожилой господин с густой копной седых волос и рябым лицом, с часами на цепочке в жилетном кармане.

Рейдар сел рядом с другим братом, Эммануэлем; тот, единственный из всех присутствующих, не встал при его приходе. Эммануэль вообще предпочитал сидеть. Он всегда страдал полнотой, к тому же был заядлым курильщиком и заработал эмфизему легких. В груди у него все время что-то свистело и булькало. Любое движение давалось Эммануэлю с трудом.

– Херманн Хиркнер в неплохой форме, – просипел Эммануэль, обращаясь к брату и кивая в сторону бизнесмена в красном пиджаке.

Рейдар не ответил.

– Ты ведь знаком с Хиркнером? – испуганно спросил Арвид.

Рейдар сделал вид, что не слышал вопроса.

– Не тяните, – сухо бросил он.

В ответ на его реплику Арвид и Эммануэль многозначительно переглянулись. Арвид досадливо повел рукой, призывая начинать.

Эммануэль заговорил очень громко, как будто произносил речь на официальной церемонии:

– Итак, теперь, когда мы все собрались, давайте сразу приступим к делу. – Ответное молчание обескуражило Эммануэля. Немного смутившись, он внимательно оглядел всех присутствующих и добродушно пророкотал: – Вам слово, Хиркнер!

Хиркнер сделал шаг вперед.

– Благодарю вас, господа. – Он скрестил руки на груди, но тут же опустил их, зашел за спинку своего кресла и вцепился в нее обеими руками. Потом кивнул жене: – Давай, Иселин!

Та подошла к мужу и протянула ему коричневую папку. Затем, изящно покачивая бедрами, ушла в дальний угол комнаты и склонилась над стоящим на полу проектором. Когда она нагнулась, юбка задралась довольно высоко. Арвид Фольке-Есперсен выразительно кашлянул.

Иселин Варос обернулась к Арвиду, добродушно подмигнула ему и улыбнулась, как балованному ребенку. Затем она перенесла проектор на стол и включила его.

Арвид и Эммануэль придвинулись поближе, чтобы лучше видеть.

– Выступать перед такой небольшой аудиторией всегда непросто, – заговорил Хиркенер. – Во-первых, позвольте сказать: мы очень рады, что оказались здесь. Мы рады знакомству с вами.

Рейдар мрачно покосился на Эммануэля; тот ожидал такой реакции брата и потому сделал вид, будто ничего не заметил. Он буквально поедал Хиркенера взглядом.

– Кроме того, хотелось бы воспользоваться предоставленной возможностью и поблагодарить вас, Арвид, за наше приятное и полезное сотрудничество, а также за то, что вы пригласили нас к себе домой.

Арвид едва заметно дружелюбно кивнул.

Теперь уже всем стало очевидно, что Рейдар Фольке-Есперсен настроен не на одну волну с братьями. Лицо у него сделалось брюзгливым и недовольным: он прекрасно понимал, какую роль ему отвели во всем спектакле, и оттого злился еще больше. В происходящем ему многое не нравилось. Раздражение усиливалось и потому, что Хиркенер то и дело обращался к нему запросто, по имени.

Хиркенер в очередной раз оскалился в улыбке и посмотрел Рейдару прямо в глаза.

– Как вам известно, я уже сообщил Арвиду и Эммануэлю о своих намерениях. И все же позвольте вначале объяснить, какой цели призвана послужить наша сегодняшняя встреча. Господа, я олицетворяю собой свободу. Да, свободу и покой. В моем распоряжении большие деньги. Но мне не хочется, чтобы деньги оказались краеугольным камнем наших переговоров. Для меня важнее всего ваше доверие. Пожалуйста, поверьте: дело всей вашей жизни попадет в надежные руки!

Он ненадолго зажмурился, словно формулируя в уме очередной перл:

– Опыт – бесценный капитал. Со смиренным почтением взираю я на то, что создано вами. Раз уж мы с Иселин... – он многозначительно посмотрел на немного отчужденную красавицу, которая величественно и благосклонно улыбалась троим братьям, – так далеко зашли, нам остается самая малость – благоразумно разместить инвестиции. Итак, господа, мы провели обширную подготовительную работу. Изучив все обстоятельства и посоветовавшись с признанными специалистами в области финансов, мы единодушно решили следующее. Мы щедро заплатим вам за то, что вы передадите свой магазин нам.

Бизнесмен в красном пиджаке снова зажмурился, как будто пробуя свои слова на вкус. Фигурально выражаясь, он выпустил kota из мешка. Затем он окинул взглядом троих братьев, желая увидеть их реакцию. Повернувшись к экрану, он стал комментировать первый диапозитив с диаграммой расчетов.

Слушая Хиркенера, который продолжал сыпать цифрами, Рейдар все больше мрачнел. Он чуял заговор. Никто пока ничего не сказал о предложении, прозвучавшем в конце вступительной речи Хиркенера. Иселин Варос предложила всем напитки. Арвид взял портвейн, Эммануэль – пиво, Рейдар вежливо отказался.

Молодая дама, видимо, не привыкла мириться с отказами. Порывшись в своем саквояже, она достала несколько миниатюрных бутылочек «Хеннесси» и «Чивас Ригал». От Рейдара не укрылось, что Арвид незаметно подмигнул Иселин, давая понять, чтобы она не слишком наседала. Рейдар все больше убеждался в том, что остальные – два его брата и покупатели – успели

сговориться заранее. Хиркенер давно уже посвятил в свои планы Арвида и Эммануэля. Но не из-за их сговора в его душе поднималась холодная ярость. Хуже всего было другое, то, о чем он ни за что не сказал бы братьям. Из-за того, другого, ему показалось, что он попал в ловушку, и потому еще больше досадовал и злился. И все же он воздерживался от каких-либо замечаний как в адрес братьев, так и в адрес покупателей. Он сидел с безучастной миной и не сказал ни слова, пока Хиркенер и Иселин Варос не ушли.

Арвид пошел провожать гостей. В тесной прихожей три человека размещались с трудом. Арвид подавал гостям пальто, шутил. Пока Арвида не было, Рейдар ничего не говорил Эммануэлю. Атмосфера в комнате стала напряженной. Оба брата сидели отвернувшись друг от друга, смотрели на противоположную стену и слушали, как Арвид по-стариковски флиртует с Иселин. Наконец за гостями закрылась дверь.

По мнению Рейдара, Хиркенер так быстро и без суеты ушел потому, что решил: битва уже выиграна. Обдумывая сложившееся положение, Рейдар с трудом сдерживал гнев. Вместе с тем из глубин души поднималось смирение. И это было даже хуже. Его сознанием постепенно завладевало безразличие – будто туман в лесу, обесцветивший все краски и сделавший чащу непроходимой. На него нашло оцепенение; ему показалось, что у него больше не осталось ни желания, ни сил барахтаться. От взрывоопасной смеси – агрессии и апатии – ему вдруг стало душно. Вместе с тем он понимал, что сегодняшняя встреча – самое важное событие в его жизни за много лет. Вот какие мысли бродили у него в голове, сопровождаемые визгливым смехом Арвида из прихожей. Эммануэль, очевидно раздосадованный мрачным видом Рейдара, смотрел в одну точку. Рейдар же принялся обдумывать двойной удар. Во-первых, нужно любыми силами помешать сделке по продаже магазина, которым братья владели сообща. Во-вторых, очень важно выиграть время, чтобы хорошенько обдумать сложившееся положение.

До первого удара оставалось несколько секунд. Как только распахнулась дверь, ведущая в прихожую, и Арвид с делано бодрым видом оперся о притолоку, Рейдар повернулся к нему, готовый к бою.

– Где твой зверь? – негромко поинтересовался он.

Как будто в ответ на его вопрос, в прихожей что-то заскреблось и заскулило. В гостиную просунулся черный влажный нос. Когда дверь приоткрылась на необходимые несколько сантиметров, в гостиную вразвалку, пытая, вошла раскормленная собачка породы папильон. С трудом ковыляя на тонких ножках, она виляла хвостом размером в половину туловища и сопела, как простуженный поросенок. Рейдар нагнулся и протянул к носу малышки длинный палец, но та попятилась, задрала голову и залиvisto затыкала. Арвид с трудом опустил на колени, словно загораживая свою любимицу.

– Тише, тише, Сильви, тише! – Он взял собачку на руки и прижался щекой к ее морде. – Она чувствует, что ты ее не любишь, – раздраженно и укоризненно заметил он.

Рейдар поморщился с таким видом, словно брат на его глазах ласкал кусок протухшего мяса или уродливое насекомое.

– Тому, что вы хотите, не бывать, – сказал Рейдар, возвращаясь к делу.

Два брата переглянулись.

– Так что и говорить больше не о чем, – заключил Рейдар, вставая.

– Мы несколько месяцев готовили сделку! – злобно прошипел Эммануэль. – И ты не имеешь права все ломать!

– Имею, – возразил Рейдар.

– С чего ты взял? – сварливо спросил Арвид.

Рейдар не удостоил его даже взглядом. Выйдя в прихожую, он потянулся за пальто.

– Вашу просьбу я выполнил, – сурово сказал он, давая понять, что все кончено. – Выслушал этого типа. Терпел целых полчаса. Вы надеялись, что ему удастся меня убедить. Так вот, он несколько меня не убедил. Он – ничтожество!

– Карстен согласен с нами!

Рейдар вздрогнул и исподлобья посмотрел на Арвида. Тот повторил:

– Карстен согласен с нами!

Из-за того что Арвид помянул Карстена, сына Рейдара, Рейдар разозлился еще больше. Значит, заговор, который он учуял с самого начала, еще внушительнее, чем он предполагал. Арвид и Эммануэль не только злоумышляли против него, но привлекли на свою сторону и Карстена – его родного сына!

– Что по этому поводу думает Карстен, меня не интересует, – бесстрастно, как и прежде, сказал Рейдар. – Тому, что вы хотите, не бывать! – повторил он.

От досады и огорчения Арвида пробила дрожь. Он снова покосился на Эммануэля, словно ища у него поддержки, и ответил:

– Ты ошибаешься. Мы с Эммануэлем настроены вполне серьезно. Зная тебя, мы подготовились заранее. Мы ведь так и думали, что ты будешь против. Так вот, имей в виду, ты проиграл!

Рейдар Фольке-Есперсен бросил на брата отчужденный взгляд.

– Рейдар, тебе придется уступить. Владельцев трое. Двое против одного – абсолютное большинство.

Рейдар по-прежнему молчал.

Арвид снова покосился на брата в поисках поддержки:

– Большинство принимает решение... что бы ты там ни думал.

– Большинство?

Рейдар вдруг шагнул к Арвиду. Тот в страхе отступил на два шага. Оба остановились, услышав сопение Эммануэля: третий брат с трудом пытался встать на ноги. Ему удалось занять лишь полусидячее положение, опершись животом о край стола. Вставал Эммануэль очень редко. Все его родные и друзья знали, каких усилий требует от него даже самое простое физическое действие. Братья поняли, что Эммануэль напрягает последние силы. Поэтому на время Эммануэль получил власть над братьями. Иногда он пользовался своим слабым здоровьем, чтобы привлечь внимание Рейдара, рядом с которым всегда терялся. Усиленно жестикулируя, он попытался развить преимущество и одновременно успокоить двоих старших братьев, которые напряженно застыли друг против друга, словно боксеры на ринге.

– Успокойся, ничего страшного не произошло. Хиркенер от своего не отступится, ну а для нас главное – держаться заодно...

Рейдара передернуло, когда он услышал фамилию Хиркенера.

– Отступится тот тип от своего или нет, не имеет никакого значения. Тому, что вы хотите, не бывать! – выпалил он, словно выпустил пулеметную очередь. В подтверждение своих слов он с силой шлепнул правой рукой по столешнице.

Арвид посадил собачку в кресло и сказал:

– Такого удачного случая нам больше не представится!

– Вот именно! – загремел Рейдар. – Вот именно! – Он снова шагнул к брату. – А вам не приходило в голову, что все это немного странно?

– Почему странно?

Арвид покосился на Эммануэля, прося того о помощи. Тот устал стоять и опустился в кресло; теперь он тяжело дышал, отдыхая после такого серьезного упражнения. На лбу у него выступили бусинки пота. И все же, судя по ответному взгляду, какой Эммануэль бросил на Арвида, списывать его со счетов было еще рано.

– Рейдар, – негромко начал он, – наверное, ты сам не замечаешь за собой, но... Ты стареешь. Ты утратил хватку. Учти, сейчас мы не уступим, не подчинимся тебе. Ты обречен на поражение.

– Утратил хватку?

– Да! – У Арвида от волнения сорвался голос. – Ты уже не тот, что прежде! Ты, я и Эммануэль, мы все трое... старики! – Последнее слово далось Арвиду с трудом; он схватил себя за горло и задыхался. – Рейдар, ты тоже старик! Более того, ты самый старший из нас! Хватит корчить из себя бессмертного!

Рейдар вздрогнул. Сидящая в кресле Сильви громко залаяла.

– Сильви! – рявкнул взвинченный Арвид. – Не пугайся!

Рейдар переводил взгляд с Арвида на Эммануэля и обратно.

– Нас двое, а ты один. На сей раз мы с Эммануэлем сделаем по-своему. Продадим магазин, и точка!

Рейдар побледнел и пошатнулся; чтобы не упасть, он крепко ухватился за край стола. Все трое тяжело дышали; собачка то визгливо тявкала, то громко скулила.

Рейдар Фольке-Есперсен набрал в грудь побольше воздуха и лаконично ответил:

– Я ничего не подпишу.

Два его брата снова переглянулись. Арвид зашаркал к двери. Решив, что хозяин подает ей знак, Сильви прыгнула с кресла. Лая и рыча, она с трудом приковыляла к Рейдару и вцепилась зубами ему в лодыжку. Рейдар несколько секунд смотрел на собачку. Потом его передернуло. Он прицелился и со всей силы ударил ее ногой. Та коротко тявкнула, перелетела через всю комнату и с глухим стуком шлепнулась на пол у камина. Ее жирное тельце дернулось и затихло.

– Чудовище! – закричал Арвид, с трудом подходя к безжизненной любимице и опускаясь рядом с ней на колени. – Сильви! Сильви!

Эммануэль покосился на Арвида и закатил глаза. Потом ссутулился и попытался закури́ть сигариллу. Руки у него дрожали. Он раз за разом щелкал зажигалкой. Наконец на конце сигариллы затеплился огонек, и Эммануэль, немного успокоившись, повернулся к Арвиду:

– Ты сам виноват. Зачем пустил ее сюда? Знаешь ведь, что они с Рейдаром терпеть друг друга не могут!

– Я уйду! – загремел Рейдар, показывая на дверь длинным, костлявым указательным пальцем. – И, судя по всему, больше я сюда не вернусь!

– Ты убил Сильви! – закричал Арвид.

– Не ной! – презрительно отрезал Рейдар. – Не сдохла твоя дворняжка!

Эммануэль откашлялся, затаился, и у него сразу сел голос.

– Рейдар... – с трудом проговорил он, – нам с Арвидом кажется, что дело чистое. Мы получим деньги. А ты поступаешь несправедливо – примешиваешь к делу личную неприязнь! – Он снова закашлялся, стал задыхаться. Наконец он успокоился, но слова вырывались из него со свистом, как у умирающего крестного отца в фильме про мафию. – Тебе придется уступить, вот и все. Кстати, тебе же самому будет лучше. Учти, на этот раз мы с Арвидом не пойдем на уступки. Так что лучше тебе подписать.

– Ни за что не подпишу! – прошептал Рейдар.

– Она не шевелится! – закричал Арвид, подхватывая на руки безжизненную собачку. – Сильви!

– В конце концов, я хочу на пенсии пожить в свое удовольствие, – невозмутимо продолжал Эммануэль. Свисты и хрипы на время прекратились. – Карстен тоже согласен с нами. Мы с Арвидом и Карстеном заодно. Мы не допустим, чтобы твое всегдашнее упрямство портило нам жизнь!

Рейдар несколько секунд стоял, опустив голову, а потом посмотрел на Арвида, держащего на руках собачку. Две ее передние лапы задрались кверху. Потом одна лапка обмякла, голова собачки повернулась набок. Из раскрытой пасти высунулся розовый язык.

– Вот теперь она точно сдохла, – злорадно произнес Рейдар, раздвигая губы в ухмылке. – Ты сам ее и прикончил. Не надо было ее поднимать. – Он повернулся и направился к двери.

– Рейдар! – укоризненно крикнул Эммануэль. – Война закончилась больше полувека назад! Ты ничего не выиграешь, если будешь и дальше держаться особняком. Хоть раз в жизни признай себя побежденным!

Распахнув дверь, Рейдар в последний раз обернулся через плечо и сказал:

– Ничего я не подпишу. И точка. Нет подписи – нет контракта.

Эммануэль закричал вслед Рейдару:

– Рейдар, сопротивление бесполезно! Завтра деньги будут лежать на столе!

Дверь захлопнулась.

– Ты проиграл! – крикнул Эммануэль и посмотрел на брата.

Арвид медленно поднял голову и метнул на дверь гневный взгляд. Эммануэль глубоко затаился.

– Не переживай, ветеринар в два счета вылечит твою собачонку. Другое дело – Рейдар. Нам нужна его подпись на контракте. Иначе плакали наши денежки!

Глава 4

IN MEDIAS RES²

Спускаясь по лестнице, Рейдар пытался избавиться от неприятных мыслей, вытеснить их в подсознание, казавшееся ему старым пыльным сундуком. Одновременно он обдумывал свой следующий ход.

Выйдя на Ураниенборгвейен, он немного постоял на тротуаре, дрожа от холода. Ему срочно нужно найти такси и телефон-автомат. В голову пришла новая мысль: наверное, вот что самое неприятное в старости. Любые отклонения от привычного курса выбивают из колеи, воздвигают непреодолимые преграды. Он зашагал в сторону Парквейен и метров через пятьдесят, на углу, увидел телефонную будку. Уже сняв трубку, вспомнил, что теперь из автоматов звонят с помощью карточек. Он повесил трубку и задумался. Может быть, сразу поехать в Энсьё, на склад, и позвонить уже оттуда? Было холодно; он замерз и устал. И все же ему не хотелось звонить из конторы. Лучше выбрать нейтральное место. Он пожалел, что перед уходом не попросил Арвида вызвать ему такси. Сидя в тепле, он бы наверняка лучше соображал. Да, он только что совершил так называемый театральный выход, хотя в нем вовсе не было необходимости. Правда, пыл подчеркнул его искренность и посеял панику во вражеских рядах. Негнущимися пальцами он достал из бумажника в кармане телефонную карточку, а также лист бумаги, на котором записал номер любовника Ингрид. В трубке послышались гудки. Ждать пришлось долго, очень долго.

– Да, – ответил наконец мужской голос.

Рейдар замаялся всего на секунду, не дольше.

– Говорит Рейдар Фольке-Есперсен, – сказал он. – Позовите, пожалуйста, мою жену.

Ответом ему молчание.

– На мелодрамы у меня нет времени, – продолжал Рейдар по-прежнему хладнокровно, но не без раздражения. – Мне нужно сейчас же поговорить с Ингрид по очень важному делу.

– Секундочку, – ответил мужской голос.

Снова молчание.

Рейдар совсем ооченел. Он огляделся по сторонам и про себя обругал Ингрид за ее трусость. Неужели она не понимает, как ему неприятно ждать? Из-за угла со стороны Иозефине-сгате выехал белый «мерседес» с фонарем на крыше. Машина остановилась в нескольких метрах от светофора. Рейдар увидел, что пассажир расплачивается. Ему очень хотелось поднять руку и забраться в такси. Когда же она подойдет? Словно в ответ на его просьбу на том конце линии послышался приглушенный голос жены:

– Рейдар?

– Он самый, – язвительно ответил Рейдар. – Сегодня я вернусь поздно, скорее всего в восьмом часу.

На том конце воцарилось молчание. Задняя дверца «мерседеса» распахнулась – пассажир вышел.

– Ты меня слышишь? – спросил он.

– Да, – еле слышно ответила его жена Ингрид.

– Надеюсь, я в последний раз застаю тебя в доме у другого мужчины, – сказал Рейдар. – А вообще – решай сама. Если хочешь остаться моей женой, надеюсь увидеть тебя дома в семь. Если нет, лучше тебе вообще не возвращаться.

² В самую суть дела (лат.).

Белое такси тронулось с места и подъехало почти к самой телефонной будке. Рейдар поднял руку; водитель притормозил.

– Как бы там ни было, это происшествие забыто, и мы никогда не будем говорить о нем, – заключил он и повесил трубку. Затем вынул из автомата карточку, подышал на руки и, опустив плечи, с трудом зашагал к машине.

Водитель, перегнувшись через спинку сиденья, открыл ему дверцу. Рейдар Фольке-Есперсен сел назад.

– Куда едем? – спросил, глядя в зеркало заднего вида, водитель, коренастый пакистанец.

– В Энсьё, – ответил Рейдар и глубоко вздохнул. – Я мерзну. Если можно, включите, пожалуйста, печку посильнее.

Глава 5

ПРИЗРАКИ

Рейдара Фольке-Есперсена не отпускала тревога – такой тревоги он не испытывал уже много лет. Его даже затрясло. Вот что навяли воспоминания юности, которые он считал давно забытыми. Свою тревогу он одновременно и любил, и не любил. Но сейчас он не знал, что делать дальше, и потому злился на самого себя. Сидя за письменным столом, он вел важные переговоры по телефону и ждал пяти часов. Когда время приблизилось – на улице стало темно, как ночью, – он спустился в помещение склада. Огромное пространство на первом этаже было до потолка завалено старой мебелью и предметами старины. Все они ждали своей очереди. В свое время их тоже перевезут в магазин на улице Томаса Хефтье и продадут. Несколько секунд Рейдар постоял, озираясь в море хлама и старых предметов обихода. Как всегда при виде стольких вещей, он позволил себе немного помечтать. Потом напомнил себе, что сейчас не время отдыхать. Поэтому он вышел в коридор, извлек из кармана брюк ключ и отпер парадную дверь. На улице по-прежнему был лютый холод. Он открыл крышку зеленого почтового ящика на стене рядом с дверью и бросил туда ключ. Ключ тихо звякнул.

Убедившись, что дверь, ведущая на склад, заперта, он побрел назад. По узкому проходу, оставленному между грудями старой мебели, пробрался в дальний конец зала. Немного постоял перед красивым антикварным шкафом, украшенным резьбой, с цветочным орнаментом на дверцах. В шкафу висел черный старомодный вечерний костюм, почти неношенный. Рейдар Фольке-Есперсен снял серые брюки и фланелевую рубашку в бело-синюю клетку и переоделся. Под смокинг он надел белую рубашку; затем переобулся в лакированные начищенные туфли.

Переодевшись, он поднялся к себе в кабинет и немного покурил за столом, задумчиво глядя на отражение верхней части своего туловища в потемневшем окне. Он видел пожилого человека с седыми волосами и ухоженной бородкой, закрывающей подбородок и рот. Цветовая гамма в порядке. Черный смокинг контрастирует с белой рубашкой; на шее – черный галстук-бабочка. К сожалению, оказалось, что ему трудно смотреть в глаза своему отражению в окне. «Я похож на собственный призрак в какой-нибудь английской пьесе», – подумал Рейдар и, исполненный мрачных предчувствий, поднялся. Подойдя к окну, опустил белую рулонную штору. После этого снова сел за стол – массивный, накрытый гладкой белой скатертью, на поверхности которой плясало тусклое отражение потолочной люстры. На столе стояло два бокала. Рейдар посмотрел на столбик пепла на конце сигареты, потянулся к пепельнице между бокалами и заметил, что рука у него дрожит. Стряхнув пепел, он смял окурок и посмотрел, который час. Вдруг исполнившись нетерпения, он снова встал и подошел к зеркалу, висевшему за дверью. Поправил бабочку, отряхнул лацканы смокинга и смахнул с плеч крошечные точки перхоти. Посмотрел на свои туфли, заметил пятно и вытер его пальцем.

Между зеркалом и дверью стояли напольные часы. Рейдар открыл дверцу часов и сверил время со своими наручными. Вдруг он наклонил голову, словно к чему-то прислушивался. Где-то закрылась дверь.

Он выключил люстру и включил настольную лампу. Нагнулся под стол за бутылкой и замер, как будто снова прислушиваясь. В дверь постучали.

– Входи! – Рейдар приветливо помахал рукой стоящей на пороге женщине. На вид ей можно было дать около двадцати пяти лет. Высокая, стройная, в длинном красном платье, она стояла, прислонившись к дверному косяку, и находилась в тени. Он не слышал ее дыхания. – Входи, не смущайся, – повторил он, желая подбодрить гостью.

Как только он произнес последнее слово, гостя вскинула подбородок и посмотрела ему в глаза. Ему понравилось, что она так легко вошла в роль, понравилась ее уверенность в себе.

Наверное, ему больше всего нравился именно этот миг: когда она неожиданно выходила из тени и появлялась в круге света от настольной лампы.

– Как я рада снова видеть тебя! – полушепотом произнесла гостья.

– Хотя времени прошло уже очень много. – У него сжалось горло от жалости к себе, и голос сорвался. Он посмотрел в потолок, проглотил подступивший к горлу ком и мечтательно повторил:

– Очень много времени... – Немного успокоившись, он обошел стол, сел в крутящееся кресло и устремил взгляд на гостью.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец она кашлянула и сказала:

– Приходить сюда – все равно что возвращаться на конспиративную квартиру...

Рейдар молчал.

– Всегда чувствую одно и то же.

– Что?

Она подумала и наконец ответила:

– Тоску.

– Когда ты здесь, я забываю о том, как долго ждал, – сказал он и кивком указал на бутылку:

– Хереса?

– Да, пожалуйста.

Он собирался уже взять бутылку, но вдруг остановился и резко посмотрел на свою гостью:

– Может быть, ты разольешь?

Она быстро подошла к столу, взяла у него бутылку и разлила херес в два бокала. Подняла свой, повертела в руках, вдохнула аромат вина и устремила мечтательный взгляд куда-то вдаль. Отпив совсем маленький глоток, она поставила бокал на место и медленно начала стаскивать с руки длинную, до локтя, перчатку.

– Таксист задержал, – сказала она. – Не хотел меня отпускать...

Она выговаривала каждое слово четко, медленно, многозначительно и то и дело поглядывала на Рейдара, будто не знала, как он отнесется к ее рассказу. Рейдар закрыл глаза, словно медитировал. В конце концов он склонил голову набок, открыл глаза и сдержанно произнес:

– Что ж... Почему бы и нет? – В его глазах читались нежность и тревожное любопытство.

– Он хотел овладеть мною, – продолжала гостья, роняя перчатку на пол. Пальцы у нее были длинные, заостренные ногти покрашены красным лаком. Она не спеша стащила перчатку с другой руки – палец за пальцем. Наконец обе ее руки обнажились до плеч. – Настоящая скотина!

– Незнакомый или ты уже ездила с ним?

Она опустила голову и задумалась. Затем подняла на него глаза и ответила:

– Спроси меня об этом как-нибудь потом.

Рейдар с улыбкой кивнул, одобряя столь остроумный ответ, поднес бокал к губам, отпил глоток хереса и поставил бокал на место. С довольным видом он поглядывал на свою руку, сжимающую ножку бокала.

– Я должен кое о чем с тобой поговорить, – как бы невзначай заметил он. – О чем-то важном.

Гостья сделала несколько шажков влево, прошла мимо напольных часов и остановилась перед зеркалом. Посмотрела на свое отражение.

– Я волновалась, потому что заставила тебя ждать, – сказала она, разворачиваясь к нему. – Но с другой стороны, приятно, когда молодой человек выражает такой очевидный интерес.

Рейдар взял со стола пепельницу и переставил ее на подоконник. Там же стоял маленький кассетный магнитофон; он включил его. Из миниатюрного динамика полилась негромкая

музыка. Звук «плыл» и казался приглушенным. Женщина в красном платье замерла на месте и закрыла глаза.

– Шуберт?

Рейдар кивнул. Его гостья не спеша расстегнула молнию на талии. Потом настал черед мелких белых пуговиц на лифе. Покончив с пуговицами, она повела плечами. Платье упало к ее ногам. Она оглядела себя. Кроме старомодных коричневых туфель на высоком каблуке и нитки искусственного жемчуга на шее, на ней ничего не было. Рейдар, прищурившись, любовался ею. Он сидел неподвижно, а когда шевельнулся, кресло громко, неприятно скрипнуло. Как будто услышав условный знак, гостья перешагнула лежащее на полу платье и принялась ласкать свои груди. Рейдар заметил у нее на предплечьях небольшие уплотнения.

– О чем ты хотел со мной поговорить? – спросила она, подходя к нему.

– О прощении, – тихо ответил он.

Она несколько секунд постояла на одном месте, словно впитывая его слова. Не спеша села на стол и медленно растянулась на животе на белой скатерти. Привстала на локтях, взяла из его руки бокал, отпила глоток и только потом ответила:

– Об этом мы уже говорили.

Рейдар кивнул.

Оба замолчали. Повертев в руках бокал, гостья отдала его Рейдару и заметила:

– Надо нам будет вместе поехать куда-нибудь на концерт. Послушать Шуберта.

– Куда? – спросил он.

Она молчала. Он бросил на нее нетерпеливый взгляд.

– Может быть, в Вену? – предложила она, поднимая голову.

Рейдар покачал головой.

– Тогда в Зальцбург?

Он покачал головой и закрыл глаза. Губы ее изогнулись в улыбке.

– В Лондон?

Он кивнул.

Гостья лежала на животе и, закрыв глаза, слушала музыку. Потом, по-прежнему не спеша, перевернулась на спину и посмотрела в потолок.

– Получить прощение всегда непросто, – задумчиво проговорила она.

Он откашлялся.

– Тут важна обратная связь, – продолжала она.

Рейдар не ответил.

Некоторое время оба молча слушали музыку. Потом гостья встала на колени. В теплом свете лампы ее кожа казалась красноватой и словно мерцала. Рейдар чуть отодвинулся в кресле и посмотрел на ее отражение в зеркале.

– Видишь? – спросила она.

– Не совсем.

Она подвинулась.

– Вот так... отлично.

Он сидел и смотрел в зеркало, не шевелясь и не произнося ни слова.

Спустя долгое время она открыла глаза. Тогда он встал, нагнулся к ней и шепотом спросил:

– О чем ты думаешь?

– О музыке, – прошептала она в ответ.

– О какой музыке?

– О Шуберте.

Он обхватил ее лицо обеими ладонями и ласково поцеловал в лоб, заметив, как она закрыла глаза. На ее веках густым слоем лежали синие тени. Она прикусила нижнюю губу.

Дыхание ее участилось; оно заглушало резкие скрипичные ноты из кассетника. Рейдар вздохнул и посмотрел в потолок. Потом она ткнулась носом в грудь его белой рубашки. Он нежно положил голову ей на плечо, и из его глаза выкатилась одинокая слеза.

Глава 6

ПОЛУНОЧНИК

Ришар Экхольт стоял прислонившись к сетчатой ограде рядом со складом, где разыгрывалась эта сцена. Он думал о том, что окно на фасаде похоже на прищуренный глаз. Веко – штора, а под ней виднеется полоска света. Глаза болели от напряжения, но он не мог отвести их от окна.

Хотя Ришару Экхольту было очень холодно, он не отдавал себе отчета, что мерзнет без пальто. Он выскочил из машины в одном пиджаке с эмблемой «Осло Такси» на левом рукаве. Форма была мятая, брюки неглаженные, на лацканах пиджака пятна от кофе, хот-дога и кетчупа. И его коричневые ботинки совершенно не подходили для такой стужи. Заметив за белой шторой женский силуэт, Ришар Экхольт ненадолго зажмурился. Итак, его подозрения подтвердились. Но легче ему не стало, даже наоборот. Ему приходилось ревновать и раньше, однако прежняя ревность не могла сравниться с тем, что он испытывал сейчас. Внутри него словно образовался вакуум, парализующая пустота, которая продолжала втягивать его в себя, даже когда он отворачивался. Ему вдруг показалось, будто он вот-вот ничком свалится на землю. Чтобы не упасть, пришлось ухватиться за сетку.

В ряду темных прямоугольников на фасаде выделялся только один – ярко-желтый. Сначала ее фигура казалась размытой тенью. Потом она подошла к окну, и Ришар разглядел четкий силуэт. Некоторое время она постояла неподвижно. Затем ее очертания снова задвигались в странной пантомиме. Он разглядел ее лицо в профиль – вздернутый нос, верхняя губа, парик. Она не спеша отвернулась и принялась расстегивать на себе платье. Потом Ришар ясно увидел, как она повела плечом и платье упало на пол. Она отошла от окна и стала невидимой. Ришар сообразил, что больше не чувствует под собой ног. И внутри стало пусто – как будто оттого, что у него на глазах верхняя часть ее тела с прямыми плечами и четко очерченными грудями растаяла, исчезла в серой дымке. Словно бы он смотрел фильм, режиссер которого стремился оградить зрителей от особенно пикантных сцен. Экхольт не замечал ни холода, ни ледяного ветра. Зато помнил ее теплую кожу – он совсем недолго прикасался к ней перед тем, как она вырвалась и выскочила из машины. Спотыкаясь, он направился к двери, за которой она скрылась. Не сводя взгляда с причудливого театра теней за белой шторой, он шагал по белому утоптанному снегу с черными проплешинами льда, пока не ударился о металлическую дверь.

Хотя Экхольт знал, что дверь заперта изнутри, он все же подергал ручку. Потом пнул ее ногой. Дверь не поддавалась. Он попытался.

Интересно, как она вошла? Он поискал глазами звонок, но его не было видно. Должно быть, ее ждали... Она уже бывала здесь, вот что! Словно в трансе, Ришар заковылял назад, к такси. Он слышал только скрип снега под ногами. Сев за руль, он мрачно покосился на подсвеченный циферблат часов. Из приемника доносились голоса клиентов, которым не терпелось вызвать такси, но он не обращал на них внимания – он не сводил взгляда с минутной стрелки на циферблате. Он шумно выдохнул – изо рта вырвался пар. Вскоре лобовое стекло совсем запотело, хотя пальцы у Ришара онемели от холода. Думать он мог только об одном: о ее тени за шторой.

Ему казалось, что минута тянется целую вечность. Стрелка не спеша обошла половину круга. Ришар Экхольт забыл о времени. Сквозь запотевшее лобовое стекло ничего не было видно. Он заскрипел зубами и подышал на пальцы, чтобы хоть немного согреть их. Потом завел мотор, прибавил обороты и включил на полную мощность отопление салона и стеклообогреватель. Руки он поднес к вентиляционным отверстиям, но не сразу почувствовал приятное тепло. Костяшки пальцев покраснели от холода, а сами пальцы стали белыми, бескровными. Скоро пленка на лобовом стекле оттаяла; образовались овальные пятна, через которые было видно,

что творится снаружи. Кровь быстрее побежала по жилам. Ришар Экхольт по-прежнему ломал голову, размышляя о ее загадочном randevu. Для кого она так вырядилась? О ком она думала, когда красила губы помадой, когда наклонялась почти вплотную к зеркалу и накладывала тени на веки? Он вспомнил, как сосредоточенно она водила кисточкой по лицу, не обращая на него никакого внимания, хотя он сидел в той же комнате и ждал ее. Мысли ее блуждали в другом месте; она представляла себя с его соперником! И платье она тоже выбрала для того, другого. Стоя перед зеркалом, она думала о том, как будет изменять ему. Она не собиралась работать – ни читать, ни танцевать. Она готовилась к встрече с любовником! Ришар Экхольт стиснул кулаки и с яростью посмотрел на дом. В окне до сих пор горел свет.

Машина понемногу прогревалась, а лобовое стекло наконец очистилось. Вдруг он услышал по радио, что она вызывает такси. Может быть, принять заказ самому? Подумав, он отказался от такой мысли. Вскоре на улицу повернуло такси с выключенными «шашечками». Водитель сдал к самому входу и не стал заглушать мотор. Значит, пассажиры вот-вот выйдут... На морозе выхлопные газы походили на серые комья ваты.

Ришар не сводил взгляда с окна на втором этаже, поэтому не сразу заметил их.

Когда они оказались совсем рядом, он инстинктивно схватился за дверную ручку, но потом отпустил ее. Сначала ему показалось, что парочка сплелась в тесном объятии. Потом он понял: нет, они не обнимаются. Они поддерживают друг друга. Она на высоких каблуках, а он... Ришар с удивлением понял, что ее спутник уже старик. Он хорошо разглядел своего соперника, когда она предупредительно распахнула перед ним дверцу такси. Сама она обошла машину с другой стороны, высоко поднимая ноги в туфлях на высоченных каблуках, и села. Такси тронулось с места, и Ришар Экхольт тоже завел мотор. Они поехали по окружной дороге – ярко освещенной и почти пустынной, несмотря на ранний вечер. Экхольт не сводил взгляда с ее затылка на заднем сиденье. Она ни разу не обернулась. Наверное, не догадалась, что ее засекли... Глаза у него защипало. Он неотступно ехал за ними. Первое такси повернуло к площади Карла Бернера. На перекрестке остановились на красный свет; Экхольт постарался не слишком приближаться к ним, чтобы его не заметили. Он не сводил взгляда с седой головы ее спутника. Вот светофор переключился на зеленый; Экхольт не сразу сообразил, куда направляется парочка. Он видел перед собой лишь мужской затылок и мысленно представлял лицо своего соперника. В голове сложился вопрос: «Кто ты такой?»

После того как ему пришлось резко затормозить, он вдруг увидел, что первое такси остановилось перед ее домом на Хегерманнгате. Он остановился и включил маячок на крыше – еще одно такси, каких полно на любой улице большого города. Уткнувшись подбородком в грудь, он притворился, будто что-то пишет, а сам украдкой поглядывал вперед. Она подвинулась к дверце, распахнула ее, обняла старика, поставила ногу на тротуар и вылезла из машины. Старик смотрел вперед. Ее он не удостоил даже взглядом.

И когда первая машина тронулась с места, старик по-прежнему сидел прямо и смотрел перед собой.

Ришар Экхольт тут же выключил лампочку у себя на крыше и прибавил газу. Она перешла дорогу к своему подъезду и стояла у двери, роясь в сумочке в поисках ключа. Когда он проехал мимо, она вдруг повернула голову. Их взгляды встретились. Узнав его, она вздрогнула и взмахнула рукой. Но он проехал мимо. Она стояла и смотрела ему вслед. Он наблюдал за ней в зеркало заднего вида – все в жирных пятнах и отпечатках пальцев. Постепенно ее фигура делалась все меньше, пока не превратилась в едва заметную точку. Он представил, какое у нее лицо. Ничего, с ней он разберется потом. Сначала старик. Экхольт включил правый поворотник и следом за первым такси повернул на Рингвейен.

Глава 7

ПЕРЧАТКА

Хотя ростом Юнни Стокмо не вышел, он отличался крепким сложением; руки у него были большие, мощные, и передвигался он вразвалку, развинченной походкой, поигрывая крепкими мускулами. Редящие волосы он старательно зачесывал назад; в мороз предпочитал прятать голову под капюшоном теплого анорака. Как всегда, он курил одну сигарету за другой – окурки словно приклеились к его губе в углу рта, слюнявый, в желтовато-коричневых пятнышках никотина. Юнни носил вислые усы, похожие на две тонкие соломинки. Справа усы обгорели.

Юнни Стокмо ждал Рейдара Фольке-Есперсена. Чтобы не задубеть от холода, он расхаживал туда-сюда перед его домом на улице Томаса Хефтье. Полчаса назад он поднимался в квартиру и разговаривал с Ингрид Есперсен. Та сообщила, что Рейдар может вернуться в любую минуту. Скорая встреча будоражила Юнни; мысли у него в голове путались. Он все еще не решил, как лучше изложить суть дела. И самое главное, он волновался, что не сумеет настоять на своем. Чтобы настоять на своем, ему нужно будет смотреть Рейдару в глаза, а ведь Рейдар гораздо выше его. И еще непонятно, как себя вести – сразу броситься в атаку, вначале изобразить дружелюбие или держаться нейтрально. Может быть, Фольке-Есперсен лучше его поймет, если он обратится к нему ледяным тоном, как обычно разговаривал сам Рейдар. Юнни несколько раз повторил про себя: «Мы оба взрослые люди». Потом он поморщился. Фраза ему совсем не понравилась. В последний раз он произносил ее, когда беседовал по телефону с Верит, бывшей женой.

«Рейдар, я тут немного подумал...» означало бы, что Юнни не уверен в себе и пытается произвести впечатление, а также то, что он заранее признает главенство Рейдара.

«Рейдар, я тут немного подумал. Ты не можешь не согласиться, что у тебя единственный выход...» Да, пожалуй, так сойдет. Единственный выход! Он должен понять, что другого выхода у него нет. Естественно, Рейдару захочется выяснить, в чем этот единственный выход. Хотя он наверняка и сам обо всем догадывается. Ведь Рейдар знает Юнни.

Ингрид приглашала его зайти, но Стокмо отказался. Ему не хотелось сидеть в квартире Рейдара Есперсена. Правда, вслух он ничего не сказал – как всегда, что-то буркнул в ответ. Ингрид Есперсен была дамочкой общительной, из тех, кому нравится флиртовать с водителями грузовиков или сантехниками. Юнни подозревал, что Ингрид западает на мужчин с грязью под ногтями, но ни за что не откажется от безопасного убежища – пристойного, хотя и надоевшего брака.

Независимо от того, сознает это Ингрид или нет, она лучше своего мужа. Кстати, последнее Юнни тоже надеялся внушить Рейдару.

Он все больше мерз, потому что не догадался надеть под джинсы теплые кальсоны. Хотя бы треники. А надо было заранее все продумать, ведь мороз почти минус двадцать!

На улицу повернуло такси, которое везло Рейдара Есперсена. Стокмо дождался, пока Есперсен расплатится, с трудом выберется на тротуар, а такси тронется с места. Он засунул обе руки в карманы куртки и зашагал навстречу старику. Сначала Фольке-Есперсен, ссутулившись, немного постоял на одном месте. Потом поежился и зашагал к своей двери неуверенной стариковской походкой.

– А, это ты! – сказал Есперсен, поравнявшись с Юнни. – Что тебе еще надо?

Стокмо сразу понял, чем все закончится. Рейдар едва удостоил его взглядом и говорил пренебрежительно, как будто заранее сбрасывал его со счетов.

– Хм... Я тоже рад тебя видеть, – сказал Стокмо.

Рейдар покосился на него через плечо. Ему хотелось поскорее попасть домой.

– Я хочу кое-что тебе сказать, – объявил Стокмо.

– И слышать не желаю.

«Он понимает, в чем дело, – подумал Стокмо. – Значит, прошлое и ему не дает покоя. Только он не знает, как со всем покончить».

Фольке-Есперсен толкнул Стокмо в плечо, чтобы тот посторонился.

– У тебя единственный выход! – с напором произнес Стокмо, преграждая старику путь.

– Уйди с дороги! – ответил Фольке-Есперсен.

– Я все решил, – сказал Стокмо. – И...

– Мне надоела твоя болтовня, – перебил его Фольке-Есперсен. – Я ничего вам не должен – ни тебе, ни твоему покойному отцу.

Фольке-Есперсен собирался пройти мимо, но Стокмо схватил его за воротник:

– Никуда ты не пойдешь, старик!

– Что-о?!

Юнни растерялся – он ведь не собирался хватать старика. Ощувив, какой его противник слабый, он совсем оцепенел. Ну и положеньеце, нечего сказать! Рейдар – не кто-нибудь. Он сам Фольке-Есперсен!

Рейдар без всяких усилий вырвался и проворчал:

– Да как ты смеешь!

– Ты мне за все заплатишь! – Юнни Стокмо еще кипятился, но его требование не содержало в себе той убежденности, на какую он рассчитывал. Потрясение от собственной наглости привело к тому, что он совсем сник. Ему словно подрезали крылья.

– Убирайся назад в ту вонючую дыру, откуда ты выполз! – прошипел Фольке-Есперсен, дрожа от ярости. Он снова дернулся и прошел мимо.

Стокмо смотрел ему вслед разинув рот. Через два шага старик вдруг остановился, как будто передумал. Сунул руки в карманы, достал перчатки. Мрачно посмотрел на одну из них, а потом замахнулся и хлестнул ею Стокмо по лицу – раз и еще раз.

– Вот дурак! – буркнул Фольке-Есперсен и направился к двери, до которой ему оставалось пройти двадцать пять метров.

Когда старик отвернулся, Стокмо как будто ожил.

– Вор, сволочь! – закричал он, бросаясь следом за высоким стариком. – Это тебе даром не пройдет!

Фольке-Есперсен не обращал на него никакого внимания. Дойдя до двери, он нажал кнопку домофона и стал ждать, глядя в пространство, как будто Юнни Стокмо не существовало.

– Это тебе даром не пройдет! – угрожающе повторил Стокмо. – Я еще вернусь. И тогда, фашист проклятый, не ты будешь хлестать людей по лицу!

Послышалось жужжание. Фольке-Есперсен открыл дверь.

– Делай что хочешь, провались ты пропадом! – буркнул он, входя и даже не оглянувшись.

Дверь захлопнулась перед самым носом Стокмо. Тот ошеломленно уставился перед собой.

– Сволочь! – выругался он. – Ах ты, сволочь! – Он попятился и погрозил кулаком окнам на втором этаже.

Глава 8 НОКТЮРН

В тот вечер впервые за много лет Ингрид Есперсен легла спать одна. Она лежала в постели и думала. Вспоминала, как днем низкое, холодное, белое январское солнце освещало спальню ее любовника и рассыпалось разноцветными лучами, проходя через стеклянную фигурку. Разноцветные лучи падали на кровать, на спину ее любовника, на ее живот. Лежа на спине и обхватив Эйольфа ногами, она неотрывно смотрела на телефон, стоявший на прикроватной тумбочке. Телефон все звонил и звонил. Отвратительный белый аппарат, нарушивший слаженный ритм их движений. Лежа под любовником и ритмично ударяясь макушкой об изголовье кровати, она почему-то сразу догадалась: это Рейдар. Она с ужасом представляла себе последующие часы, наполненные тошнотворным и унижительным сознанием собственной вины, превращавшим каждую минуту в страдание. Ингрид с трудом дотянула до ужина, к которому пригласили Карстена с женой и двумя детьми – внуками Рейдара. Потом Ингрид вспомнила, как сердце екнуло у нее в груди, когда она сидела за столом с гостями и Рейдар вошел в столовую. Просто удивительно, как ей удалось сдержаться. Она заставила себя забыть о страхе и стыде. Вокруг нее словно вырос прочный панцирь. Ни разу у нее не дрогнула рука, она не наградила мужа ни единым испуганным взглядом. Мысли у нее в голове устремились в прошлое. В конце концов, они с Рейдаром прожили вместе двадцать пять лет – четверть века. И все же она никогда по-настоящему не понимала его. До нее Рейдар уже был женат. Когда они познакомились, он был вдовцом; его сын ненамного моложе ее самой. Ингрид вспоминала прожитые с мужем годы и все больше убеждалась: время несколько не сблизило их, не сделало по-настоящему родными. Доказательство тому – его сегодняшний звонок. Он говорил властно, сухо; его тон и слова подразумевали беспрекословное подчинение. Она послушно выполнила его требование, отчего ей стало страшно. Неужели такое войдет в привычку? Правда, Ингрид не впервые задавалась вопросом, не ошиблась ли она в свое время, приняв предложение Рейдара. Впервые ей в голову пришла другая мысль: она впустую потратила четверть века своей жизни. Причем добровольно! Последняя мысль до того испугала Ингрид, что она тут же ее оттолкнула. И все же до конца справиться со страхом ей не удалось. Она сжалась в комочек и все ждала, когда же ее одолеет сон. Самое страшное – она все больше сознавала, как мало знает о себе. Лежа в темноте и прислушиваясь к звукам дома, к шагам Рейдара, который то входил в спальню, то выходил из нее, к его невнятному бормотанию по телефону, Ингрид пережила настоящую паническую атаку. Она покрылась холодным потом; она ворочалась с боку на бок и в досаде кусала подушку. Не в силах преодолеть тревогу, она встала, пошла в ванную, где у нее находилась аптечка, и приняла таблетку аподорма.

Хотя ей по-прежнему было не по себе, в какой-то миг она неожиданно провалилась в сон. А потом так же неожиданно проснулась. Ингрид понятия не имела, что ее разбудило. Она сознавала одно: проснулась она не просто так.

За окном была ночь. Голова, тяжелая от снотворного, не желала отрываться от подушки. Ныли виски. Она снова сжалась от непроизвольного страха. Бессонница и страх смешивались в ней и мешали друг другу. Изнутри поднималась тошнота. Она лежала без движения, боясь неизвестного ужаса, который ее разбудил. Она лежала окаменев, не смея шелохнуться. Даже голову повернуть боялась, потому что чувствовала: в спальне кто-то есть. И этот *кто-то* может услышать ее дыхание... Если она шевельнется, *кто-то* услышит шорох одеяла.

«Если бы еще не было так холодно», – подумала Ингрид, снова цепenea. В спальне стоял жуткий холод. Рейдар всегда отключал на ночь радиатор, но до такой степени комната не успела бы промерзнуть... Стараясь не шуметь, она осторожно повернула голову. И сразу увидела, что дверь открыта, а Рейдара на месте нет. Через открытую дверь падал свет, образуя широкую

серую трапецию тени на полу и в изножье кровати; в этом приглушенном свете она разглядела: одеяло Рейдара лежало аккуратно и было таким же нетронутым, как когда она заснула.

Значит, он и вовсе не ложился! Такого еще не было... Если раньше Ингрид оцепенела от страха, то, поняв, что Рейдара нет, она провалилась в какую-то черную яму. Она попыталась вытереть холодный пот со лба, но пальцы не гнулись – они показались Ингрид холодными, бесчувственными щепками. Она долго лежала, обшаривая спальню взглядом; потом ей показалось, будто она отделилась от собственного тела и взлетела под потолок. Оттуда, сверху, она наблюдала, как ее тело, неподвижное, застывшее, лежит под одеялом. Она видела собственные широко распахнутые глаза. Потом так же, со стороны, она стала наблюдать, как ее тело постепенно переходит в сидячее положение. «Что ты делаешь? – спросила она себя. – Ты что, с ума сошла?» Но тело ей как будто не подчинялось. Она поднималась медленно, с трудом, то и дело цепенея при мысли, что нечаянно зашуршит и страшный *кто-то* поймет, что она проснулась. Глаза у нее слипались – действие снотворного еще не прошло. Ингрид вдруг подумала: «А если я сплю и мне снится страшный сон?» Если бы у нее так часто не колотилось сердце, она бы, наверное, повернулась на другой бок и снова заснула. Но она не заснула, а с трудом села и сбросила ноги на пол. Несмотря на полуодурманенное состояние, она почувствовала, как холод проникает ей под рубашку. Ее пробил дрожь. Как только ступни коснулись деревянного пола, она испытала новое потрясение: прикосновение чего-то мокрого и холодного. Лужа на полу! Ингрид как будто ударило током. По-прежнему глядя на себя словно со стороны, она потянулась к выключателю ночника. Услышала тихий щелчок. Теплый, желтый свет залил тумбочку красного дерева и кусок пола рядом с кроватью. Ингрид увидела белое пятно. Вглядевшись, она поняла, что на полу действительно лужа с кучкой нерастаявшего снега посередине. Как будто *кто-то* вошел в спальню прямо с улицы, не переобувшись... Снег почти весь растаял, потому что в доме все-таки было теплее. Хотя Ингрид по-прежнему чувствовала себя одурманенной, она вдруг поняла, что ее разбудило. Кто-то, какой-то человек, на цыпочках вошел в спальню и склонился над ее кроватью, чтобы проверить, спит ли она. Скорее всего, это был Рейдар. Но где он сейчас?

Ингрид встала и, спотыкаясь, направилась в ванную. По пути она увидела, что дверь, ведущая на лестницу, распахнута настежь. Вот почему в квартире так холодно! Она закрыла дверь. Замок мягко щелкнул. Ее снова объял ужас. А если она не одна?!

Она подошла к двери спальни и осторожно вгляделась во мрак. О том, чтобы проверить все комнаты, не могло быть и речи.

Тяжело дыша, Ингрид подошла к низкому столику, на котором стоял телефон. Попутно посмотрелась в зеркало. Собственное лицо ей не понравилось: бледное, с запавшими глазами. Она с трудом села на табурет у зеркала; пальцы словно сами собой набрали номер, который она помнила наизусть. Ждать пришлось долго. К сожалению, подошла Сюзанна.

Ингрид зашептала в трубку:

– Попроси, пожалуйста, Карстена приехать сюда! Рейдара нет, и, по-моему, к нам забрался вор.

– У вас в квартире посторонний?

– Я точно не знаю, но все двери открыты. Меня что-то разбудило... Пожалуйста, скажи Карстену, чтобы приехал!

– Но Карстена нет!

– Вот как?

– Да.

Ингрид не знала, что сказать. Вообще, следующую реплику полагалось произнести Сюзанне; например, она могла бы объяснить, почему Карстен не ночует дома, с женой. Но Сюзанна ничего не говорила, и Ингрид не могла себя заставить задать ей неприятный вопрос. Она смутилась. Страх и снотворное мешали ей соображать. Наконец она прервала молчание:

– Сюзанна, может быть, тогда ты сюда приедешь? Мне так страшно!

– Дети спят.

Снова молчание. Ингрид еще больше перепугалась. Она быстро повернула голову и оглядела темную квартиру, в которой притаилась опасность. Она робко кашлянула и предложила:

– А ты разбуди их, и приезжайте все вместе!

– Ингрид! – Сюзанна как будто проснулась по-настоящему. – Что там у вас стряслось? К вам залезли воры? Может, тебе страшный сон приснился?

– Нет, – отрезала Ингрид, в ужасе озираясь через плечо, потому что весь разговор был ей неприятен и потому что ее могли подслушивать. Кто-то... – Никакой страшный сон мне не приснился. Позови, пожалуйста, Карстена, мне очень нужно с ним поговорить.

– Я же сказала, Карстена нет.

– Ты лжешь.

Ингрид сразу же пожалела о своей вспышке. Но было уже поздно. Сюзанна медленно и отчетливо, ледяным тоном произнесла:

– Ничего я не лгу, старая истеричка! Я не лгу, и Карстена нет. А я тебе не прислуга, чтобы нестись куда-то, стоит тебе щелкнуть пальцами! У меня двое детей, и они должны высыпаться. Если ты так боишься, оденься, включи радио и завари себе чаю, который ты...

– Сюзанна, не бросай трубку!

– ...который ты можешь пить, пока не вернется Рейдар. До свидания!

Ингрид застыла с трубкой в руке, прислонившись спиной к стене. Из трубки слышались противные короткие гудки. Закружилась голова. Она окинула комнату диким взглядом и сделала шаг вперед, чтобы не потерять равновесие.

Тут послышался громкий удар.

Хлопнула дверь на первом этаже.

Наверное, Рейдар. Он был внизу, в магазине. Ингрид сделала еще шаг и прислушалась. Внизу кто-то ходил. Должно быть, Рейдар, больше некому. Потом шаги послышались на лестнице – медленные, тяжелые шаги. Ингрид нахмурилась. Неужели у него такая тяжелая походка? «Господи, – взмолилась Ингрид. – Пожалуйста, пусть это будет Рейдар!» Кто-то поднимался на второй этаж. Шаги приближались, а потом остановились. За ее дверью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Старик в витрине

Глава 9

ЗАСТЫВАЯ НА ХОДУ

– Это я, – громко и отчетливо проговорил в трубку инспектор Гунарстранна, нарушая тишину зимнего утра. В голосе инспектора угадывалась раздражительность, к которой Франк Фрёлик давно научился относиться снисходительно.

– Ясно. – Фрёлик прижал мобильник к уху, ту же затягивая шарф: на мосту сильно мело; снег летел ему в лицо. – Я во Фрогнер-парке... – Пальцы у него окоченели. Он плотнее сжал телефон и сунул руку вместе с трубкой под шарф. – Только что перешел мост, – продолжал он, ступая на дорожку, ведущую к металлической ограде и калитке, выходящей на Киркевейен.

Фрёлик зажмурился от ослепительного утреннего солнца. В парке, куда не заезжали грузовики Дорожного управления Осло, обрабатывающие солью автомагистрали, снег оставался девственно-белым, а не серовато-бурым, слежавшимся, как на улицах города.

– Естественно, я иду пешком, – лаконично продолжал он, зная, что в эту самую минуту его начальник ходит туда-сюда и сворачивает себе самокрутку.

Гунарстранна часто не знал, куда девать руки и ноги в минуты волнения. Не стоило рассказывать, что вчерашнюю ночь Фрёлик провел у Евы Бритт. Вчера была пятница, и после страшного, болезненного скандала он счел своим долгом остаться у нее на ночь. Не стоило упоминать и о пари, которое он заключил с Юли, дочерью Евы Бритт. Он обещал Юли, что похудеет на пять кило до зимних каникул. Фрёлик собирался выиграть пари – хотя бы только для того, чтобы девчонка перестала его дразнить. Вот почему он решил каждый день ходить на работу пешком. Ему казалось, что прогулки на морозе будут быстрее сжигать калории, так что чем холоднее, тем лучше. Фрёлик понимал, что рассказ о творениях Вигеланда³ под утренним солнцем тоже не заинтересует Гунарстранну. Франк очень любил разглядывать на ходу статуи, словно застывшие в движении или в единоборстве друг с другом. Пейзаж, окружавший его, казался сюрреалистическим. В такой мороз слова «застывшие в движении» казались не просто метафорой.

– У нас труп, – сухо сообщил Гунарстранна.

– Еде?

– Как выйдешь из калитки, поверни направо и иди на улицу Томаса Хефтъя. Там ты сразу все увидишь.

Гунарстранна нажал отбой. Фрёлику показалось, что от мороза слипаются ноздри. Он укутал шарфом всю нижнюю часть лица. При дыхании изо рта вырывался пар, тут же превращавшийся на ворсе в крошечные льдинки. В толстом шерстяном свитере, толстой куртке и длинных теплых кальсонах под брюками Фрёлик чувствовал себя неуклюже, как какое-нибудь ходячее толстое дерево. Его армейские ботинки громко скрипели на утоптанном снегу при каждом шаге.

Через десять минут, повернув на улицу Томаса Хефтъя, он удивился, что не увидел толпы зевак. Впрочем, любопытные могли остаться дома по нескольким причинам. Во-первых,

³ Вигеланд (1869–1943) – норвежский скульптор, создатель Парка скульптур, в котором каждая из двухсот двадцати семи статуй выражает определенный набор эмоций, часто с глубоким философским подтекстом.

холод. Во-вторых, короткий световой день. Кроме того, субботним утром вереница полицейских машин может и не выманить из теплых квартир жителей западной части Осло.

Франк Фрёлик прошел мимо новой «шкоды-октавин» инспектора Гунарстранны и, поднырнув под ленту, замер, увидев труп на витрине. Мертвец был совершенно голый; его усадили в кресло между старым деревянным глобусом и выцветшим голубым комодом, расписанным цветочками. Какая-то женщина в белом комбинезоне деловито закрывала витрину серой бумагой, однако Франк успел разглядеть за стеклом лицо инспектора Гунарстранны. Они обменялись кивками; в очках Гунарстранны сверкнуло солнце.

Дверь, ведущая в магазин с улицы, была закрыта. За стеклом висела синяя картонка с желтовато-белыми пластмассовыми буквами: «Часы работы». По субботам магазин не работал.

Фрёлик вошел в подъезд; оттуда тоже можно было попасть в магазин. Так как полицейские и эксперты-криминалисты все время ходили туда-сюда, дверь стояла нараспашку, и в подъезде царил настоящая стужа.

В магазине работали и сотрудники полиции, и эксперты-криминалисты в белых нейлоновых комбинезонах. Гунарстранна сидел на корточках перед низкой витриной и разглядывал усаженный в кресло труп. Женщина, стоящая спиной к Фрёлику, вводила Гунарстранну в курс дела.

– Кресло не двигали с места. – Она показала на кресло пальцем. – Оно уже давно здесь стоит. Труп вытащили вон оттуда... – она показала на противоположный угол комнаты, – и поместили в витрину.

– Сколько человек тащили труп – один или больше? – спросил Гунарстранна.

– Трудно сказать.

– Один человек мог с ним справиться?

Женщина-эксперт пожалала плечами:

– Понятия не имею.

Она обернулась к Фрёлику. Они выразительно посмотрели друг на друга. Франк не видел ее три недели – с тех пор, как она ночевала у него.

Оба одновременно опустили глаза.

– Но хоть предположения у вас должны быть! – раздраженно проворчал Гунарстранна.

Она посмотрела куда-то вдаль, задумалась, не спеша с ответом.

– Привет, Анна! – сказал Франк.

Она вскинула голову, и они снова посмотрели друг другу в глаза, что не укрылось от Гунарстранны. Инспектор в досаде тряхнул головой.

– Да, предположения есть, – быстро ответила Анна. – Пожалуй, с покойником мог справиться и один человек, но сколько их было, пока сказать невозможно.

Гунарстранна встал.

Из-под белого капюшона, закрывающего голову Анны, выбивался локон, деливший ее лоб пополам и придававший ей сходство с какой-нибудь страстной уроженкой Средиземноморья.

Фрёлик с трудом заставил себя отвернуться от Анны. Он постарался сосредоточиться на трупе, на витрине магазина, на луже запекшейся крови под ножкой кресла и на темном пятне на ковре. Он попытался представить, какой удар должен был пережить случайный прохожий, проходивший мимо дома на рассвете. Гели бы не кровь, мертвец выглядел бы манекеном из папье-маше. Кожа у него была совершенно белая, морщины на лице застыли, хотя и не от мороза...

– Что ж, возраст приличный, – буркнул Фрёлик, разглядывая похожее на маску лицо мертвеца.

– Судя по банковской карте покойного, ему было семьдесят девять лет, – сухо и официально ответила Анна.

– Там рана? – спросил Фрёлик, заметив тонкую красную полосу на шее мертвеца.

– Мне тоже вначале так показалось, – кивнул Гунарстранна. – Но у него там повязана нитка.

Тут и Франк разглядел красную нить на шее старика.

– А что за царапины у него на лбу? – спросил он.

– Крестики, – ответила Анна. – Их нарисовали ручкой. – Она ткнула пальцем в валяющийся на полу цилиндрок: – Скорее всего, как раз вон той – несмываемая, и цвет подходит.

Гунарстранна кивнул и снова показал Фрёлику труп. Франк Фрёлик обратил внимание на волосатую грудь покойника, всю в пятнах крови. Посередине, между сосками, Фрёлик увидел также написанные ручкой буквы и цифры.

Гунарстранна встал.

– Вот на что нужно будет обратить особое внимание при вскрытии.

Взгляд Фрёлика упал на деревянный глобус с неправильными очертаниями Африки. Большие участки Африканского континента оставались неподписанными.

Гунарстранна ловко лавировал между столами и креслами; Фрёлик шел за ним по пятам.

– Старье какое, – буркнул Фрёлик, показывая на красное мягкое кресло. Обернувшись к Анне, он громко спросил: – Можно его потрогать?

Она вскинула голову.

– Я тоже рада снова увидеть тебя, – негромко ответила она и скрылась за дверью кабинета. Фрёлик не нашелся с ответом.

Гунарстранна шумно зевнул.

– Ох и устал же я! – заметил он и окликнул полицейского, охраняющего подсобное помещение: – Иттерьерде!

Иттерьерде подошел, волоча ноги.

– Давай скажи Фрёлику, к каким выводам мы пришли насчет взлома, – распорядился Гунарстранна.

Иттерьерде покачал головой:

– Сигнализация не сработала, окна не разбиты, дверные рамы не повреждены. Но самое главное другое. Судя по всему, отсюда ничего не украдено. – Он кивнул в сторону прилавка у двери, выходящей на улицу. – Бумажник в его куртке не тронули, кассу не ограбили.

Фрёлик подошел к кассовому аппарату. Он оказался старинным, с узором по металлу и целым морем кнопок и рычажков впереди.

Иттерьерде тоже подошел к кассе. Руки у него были необычайно длинные, с крупными кистями. Он принялся тыкать во все стороны толстым пальцем и пояснять:

– В магазин можно попасть с улицы и с лестницы... Та дверь, что с улицы, рядом с витриной, укреплена вполне надежно. Впереди имеется защитная решетка. Зато вторая дверь, которая выходит в жилой подъезд, когда мы приехали, стояла нараспашку.

Гунарстранна достал из кармана куртки самокрутку, сунул ее в рот, начал прикуривать. Фрёлик заметил, что самокрутка наполовину выкурена и помялась: из нее высыпался табак.

Подошедший к ним Иттерьерде промямлил:

– Совсем забыл... Труп обнаружила почтальонша, которая разносит газеты. Она спрашивает, можно ли ей уйти.

Иттерьерде указал на женскую фигуру с жесткими волосами и челкой. Женщина в круглых, как блюдца, очках неподвижно стояла у окна, глубоко засунув руки в карманы лыжного костюма.

– Запишите ее имя и адрес, – сухо распорядился Гунарстранна.

– Владелец магазина – старик, ну, то есть покойник, Рейдар Фольке-Есперсен. Он и его хозяйка... супруга... – Иттерьерде ткнул пальцем в потолок, – живут здесь же. У них квартира на втором этаже. – Он задрал голову.

Гунарстранна задумчиво кивнул.

– Священника вызвали?

– Он приехал полчаса назад; он и сейчас еще здесь, – ответил Иттерьерде.

– Его жене стало плохо... – негромко продолжал Иттерьерде. – Она прямо вся посерела.

Сказала, что пойдет и ляжет в постель, но это было еще до прихода священника.

Закончив рассказ, Иттерьерде направился к свидетельнице, обнаружившей труп.

Фрёлик зевнул и пошел бродить по магазину. Он собирался разыскать Анну. Вскоре он увидел ее. Она вышла из подсобки за торговым залом.

– Ну что? – спросила она.

– Я тоже рад снова видеть тебя, – сказал Фрёлик, чувствуя себя дураком.

Анна посмотрела на него исподлобья, едва заметно улыбаясь, и спросила:

– Интересуешься местом преступления?

– Да, конечно.

– Тогда держи ушки на макушке. – Анна широко улыбнулась и поморщилась, когда из подсобки послышался крик Гунарстранны:

– Фрёлик!

– Что?

– Иди сюда! – раздраженно буркнул Гунарстранна.

Когда Фрёлик вошел, инспектор показал ему участок пола перед письменным столом. Ковер пропитался кровью. Рядом с красной лужей валялся штык с бурыми пятнами на лезвии.

Франк Фрёлик переглянулся с Анной и только потом опустил глаза на штык. Вскоре им снова помешали: в дверях показалась фигура полицейского с похоронным выражением лица. Он жестом привлек к себе внимание Гунарстранны.

– Приехал Карстен Есперсен, – пробормотал полицейский. – И требует, чтобы его впустили.

Человек, который дожидался их в подъезде, был бледен; подбородок у него то и дело дергался – наверное, у него нервный тик, подумал Фрёлик. Со стороны казалось, что Карстен Есперсен то и дело отмахивается от каких-то назойливых мушек. Фрёлик поспешил представить своего начальника:

– Инспектор Гунарстранна, отдел убийств.

Под зимним пальто на Карстене Есперсене был вельветовый костюм. Высокий, худощавый, он начинал лысеть. Узкие губы, безвольный подбородок... Когда Есперсен в очередной раз дергался, подбородок совсем исчезал в гармошке морщин и складок кожи.

– Итак, – сказал Гунарстранна, выразительно оглядев темный подъезд, – мы можем где-нибудь присесть?

Карстен Есперсен глубоко вздохнул и кивнул на дверь подсобки:

– Вон там, в кабинете.

Инспектор Гунарстранна покачал головой:

– К сожалению, на место преступления заходить нельзя.

Есперсен озадаченно посмотрел на него.

– Насколько я понимаю, ваш отец жил в этом же доме?

Карстен Есперсен окинул лестницу задумчивым взглядом.

– Пойдемте со мной... Наверное, туда нам можно, – сказал он после паузы и зашагал наверх. В узком пространстве эхо от их шагов казалось особенно гулким. Поднявшись на второй этаж, Есперсен остановился и принялся рыться в карманах в поисках ключей. – Вам придется немного подождать... – пробормотал он. – Видите ли... – Наконец он нашел связку ключей и стал искать нужный. – Ингрид, жена отца... мы с ней успели поговорить по телефону, но коротко...

Фрёлик понимающе кивнул Есперсену. Тот вошел в квартиру и неплотно прикрыл за собой дверь. Площадка была шириной метра три. Видимо, изначально здесь помещались две квартиры, но потом их объединили в одну, а вторую дверь забили и покрасили в тот же цвет, что и стены на лестнице. В углублении перед бывшей второй дверью стояло чахлое растение в терракотовом горшке.

– Весь этаж заняли, – буркнул Фрёлик.

– Вдова... Ингрид... должно быть, совсем сломлена горем, – негромко заметил Гунарстранна.

Карстен Есперсен приоткрыл дверь и пригласил их:

– Входите. – Он говорил тихо, как будто боялся, что его кто-нибудь услышит. – У нее сейчас сотрудница медицинского центра и священник. Но в моей прежней комнате нам никто не мешает. – Он придержал дверь, впуская полицейских в квартиру. Когда те очутились в прихожей, Есперсен смущенно кашлянул и сказал: – Э-э-э... если вы не против, снимите, пожалуйста, обувь!

Гунарстранна расстегнул свои старые зимние галоши и сбросил их. Под галошами у него оказались начищенные до блеска кожаные туфли. Он не без злорадства наблюдал за мучениями Фрёлика: тому пришлось сесть на корточки, чтобы развязать шнурки на армейских ботинках. В тяжелой зимней одежде Фрёлик совсем запыхался. Спутанные волосы упали на лоб. Вскоре Фрёлик остался в шерстяных носках – почему-то разного цвета. Есперсен распахнул дверь, и они слышали вдали негромкие голоса.

Гунарстранна быстро огляделся по сторонам. Главным предметом обстановки в прихожей было зеркало – огромное, от пола до потолка, в позолоченной деревянной раме. В тех местах, где позолота облупилась, виднелись темные пятна. В зеркале отражались три фотографии в рамке на противоположной стене. Гунарстранна обернулся и стал разглядывать снимки. Фотограф запечатлел высоких молодых людей в полувоенной форме, веселых, кудрявых. Все они держали за плечами пистолеты-пулеметы «стен».

– Дворцовая площадь... освобождение, – буркнул Гунарстранна и повернулся к Карстену Есперсену: – Ваши родственники?

Карстен Есперсен кивнул:

– Вот отец. – Он показал на молодого атлета, стоявшего в непринужденной позе перед королевским дворцом.

Гунарстранна еще раз взгляделся в снимок.

– Ну конечно, – сказал он, снимая очки, чтобы лучше разглядеть человека на фотографии. – Теперь я вижу сходство.

– Может быть, вы?... – Есперсен все придерживал дверь.

Они прошли через комнату, обставленную тяжелой деревянной мебелью; затем Карстен открыл раздвижную дверь. Следующая комната, судя по всему, служила столовой: посередине стоял огромный обеденный стол. Стену украшала большая картина, патристически-романтического содержания: фьорд, лучи солнца освещают горы и ферму. На переднем плане стоит молочница в национальном костюме, с ведрами на коромысле.

Перед следующей раздвижной дверью Карстен Есперсен остановился и, обернувшись к незванным гостям, негромко пояснил:

– Ну вот... здесь я вырос.

Он первым вошел в комнату; Гунарстранна последовал за ним. Комната оказалась маленькой – примерно три на три метра. Нечто среднее между детской и уютным обиталищем холостяка. Под окном стоял письменный стол. Над ним на стене висели семейные фотографии. Есперсен сел на крутящееся кресло у стола и предложил гостям, указывая на низкий диван:

– Садитесь, пожалуйста!

Гунарстранна остался стоять.

Фрёлику пришлось нагнуться, чтобы, входя, не удариться головой о дверной косяк. Когда он присоединился к остальным, в комнатке стало заметно теснее. Хотя куртка у Фрёлика была пятьдесят четвертого размера, не меньше, она сидела на нем в обтяжку. Создавалось впечатление, будто детский свитер натянули на винную бочку. Лицо, заросшее кустистой, взъерошенной бородой, как всегда, хранило невозмутимое выражение. Фрёлик расстегнул куртку, под ней оказался полосатый свитер. Он тяжело опустился на диван и вытянул ноги. Его ступни коснулись противоположной стены.

Гунарстранна многозначительно покосился на Фрёлика и перевел взгляд на Карстена Есперсена.

– Выкладывайте! – едва слышно прошептал Есперсен.

Инспектор повернулся, нарочито медленно перешагнул через вытянутые ноги Фрёлика, вышел в столовую и оттуда громко спросил:

– Ваши родственники давно здесь живут?

– Сколько я себя помню! – ответил Есперсен, вскакивая с места и подходя к двери. – Наверное, годов с пятидесятих. – Он бросил на детектива испуганный взгляд: – А вы не хотите войти?

– Нет, – буркнул Гунарстранна и подошел к картине с фьордом и молочницей. Осмотрел широкую позолоченную раму, украшенную резьбой. Затем не спеша подошел к столу, выдвинул себе стул и сел. – Пожалуй, я лучше посижу здесь, а вы оставайтесь там. Так мы сможем перекидываться.

Есперсен с унылым видом топтался на пороге столовой. Он все чаще дергал подбородком – видимо, нервничал.

– Чем вы занимаетесь? – осведомился инспектор.

– Управляю магазином... тем, что внизу.

– А ваш отец?

– Он распоряжается... распоряжался хозяйственными вопросами.

– Что это значит?

– Вел бухгалтерию, занимался счетами, работал на складе – у нас есть склад...

– Продолжайте, – кивнул Гунарстранна, видя, что его собеседник о чем-то задумался.

– Да, магазин у нас здесь, а склад и контора – в Энсьё.

– Нам придется осмотреть и склад.

– Пожалуйста. Он находится на улице Бертрана Нарвесена.

Гунарстранна медленно кивнул.

– Для того чтобы попасть туда, понадобится ключ, – негромко заметил он, словно разговаривал сам с собой.

Есперсен вздрогнул:

– Сейчас?

– Вы против того, чтобы я проводил обыск на вашем складе?

– Нет, разумеется. – Есперсен наконец отпустил дверную раму, пожал плечами, вышел в столовую и тоже присел к столу напротив инспектора и спиной к картине. Снова порывшись в кармане, он извлек связку ключей и, перебрав их, снял с кольца короткий ключ от американского замка. – Вот, вам надо только отпереть...

Гунарстранна взял ключ и сунул его в карман.

– Значит, вы торгуете предметами старины, так сказать, подержанными вещами?

Вместо ответа, Есперсен глубоко вздохнул, прижал пальцы к вискам и низко опустил голову, уткнувшись взглядом в столешницу.

– Какой ужас! – пробормотал он наконец. – У меня голова как будто ватой набита... Ведь надо хорошенько осмотреться там, внизу, выяснить, не пропало ли что...

– Только когда мы завершим там наши дела.

Есперсен бросил на Гунарстранну удивленный взгляд. Голова его в очередной раз дернулась. Он снова опустил голову и, заметив на полировке пятнышко, принялся тереть его указательным пальцем.

– Одно я знаю наверняка: отец умер, – пробормотал он.

– Его убили, – уточнил Гунарстранна и, откашлявшись, продолжал: – Мы обязаны расследовать все обстоятельства дела... Естественно, мы будем держать в курсе дела вас и ваших родных. – Он выпрямил спину и закинул ногу на ногу.

Франк Фрёлик тоже выбрался из тесного пространства бывшей детской. Он снял громадную куртку, повесил ее на спинку стула, сел сам и достал свой блокнот.

Гунарстранна склонил голову и сказал:

– Вполне понимаю ваше состояние. Ваше горе усугубляется тем, что приходится еще отвечать на вопросы следователя... Надеюсь, вы отнесетесь к нам и нашим вопросам с пониманием.

Карстен рассеянно кивнул.

Гунарстранна откашлялся.

– В какой области вы специализируетесь?

– Что вы имеете в виду?

– Что за вещи вы продаете?

– В основном хорошие, дорогие. Так сказать, эксклюзивные.

– То есть?

– Понимаете, мы торгуем не вещами работы какого-то мастера или одного стиля. Все зависит от самой вещи. Она должна быть красивой и находиться в хорошем состоянии. Одинаковым спросом у любителей пользуются и пишущая машинка «Ремингтон» двадцатых годов, и, например, отлично сохранившийся чайный столик Викторианской эпохи. Мы рассматриваем каждую вещь в отдельности...

Гунарстранна кивнул.

– А книгами не занимаетесь?

– Нет.

– На одном стеллаже, мимо которого мы проходили, я видел собрание сочинений Теккеря...

Есперсен позволил себе досадливо махнуть рукой:

– Видели, значит? Вы очень наблюдательны. Да, в самом деле, – кивнул он. – Но книги в этом доме принадлежат Ингрид. Она любит читать. Ну а мы с книгами дела не имеем. Они сейчас не приносят прибыли... да, мы так считаем. В конце концов, у нас ведь не букинистический магазин.

– Как вещи попадают к вам?

– Мы покупаем разрозненные товары оптом, участвуем в аукционах... ввозим из-за границы... довольно часто принимаем вещи на комиссию. Наш товар относится к высокодоходному сегменту рынка.

– То есть?

– Что? – не понял Есперсен.

– Что значит «высокодоходный сегмент рынка»?

– Да в сущности, так можно назвать что угодно, лишь бы вещь была в хорошем состоянии. У нас попадают как предметы английской и немецкой работы, так и отечественные, из деревень... например, из долины Гудбрансдален.

– А на экспорт торгуете?

– Нет.

– Сколько лет было вашему отцу?

– Семьдесят девять. В марте исполнилось бы восемьдесят...

- Он жаловался на здоровье?
- Да нет, был как пятидесятилетний, работал каждый день.
- Крепыш.

Карстен Есперсен поджал тонкие губы:

- Да, можно и так сказать.
- Он не собирался уйти на покой?
- Нет.

Карстен ответил решительно и быстро. Пожалуй, даже слишком быстро. Гунарстранна и Фрёлик переглянулись.

- У вас семейное предприятие?
- Да, пожалуй.
- Смерть вашего отца повлияет на состояние дел?
- Конечно.
- Кто закупает товары для магазина? Вы? Ваш отец?
- Я.
- В одиночку?

Карстен Есперсен склонил голову и ответил:

– Само собой разумеется, отец тоже кое-что покупал, но всегда советовался со мной. Видите ли, я умею производить на клиентов хорошее впечатление. Мы, так сказать, разделяли обязанности.

- Что за человек был ваш отец?

Есперсен поднял голову и бросил на инспектора озадаченный взгляд.

Гунарстранна уточнил, активно помогая себе руками:

- Он был добрым? Строгим? Любителем наживать врагов?
- Конечно нет.
- Но враги у него были?
- Вот так сразу и не вспомнишь...
- Может быть, он с кем-то ссорился?
- Конечно, даже со мной он ссорился.
- Почему?

– Уж такой у него был характер... тяжелый. Он любил, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним.

- И в личной жизни тоже?
- И в личной жизни, и в делах.
- Что же будет дальше? Вы примете на себя бразды правления?
- Да, наверное... Магазин оформлен как общество с ограниченной ответственностью, поэтому документ о передаче имущества покойного не имеет такого уж большого значения. – Есперсен кашлянул. – Но по-настоящему вести здесь дела могу только я... Только я могу управлять, – пробормотал он, вскидывая голову и устремляя взгляд куда-то в пространство.

- Как вы относились к нежеланию отца уходить на покой?
- По-вашему, он мне не совсем доверял? – Карстен криво улыбнулся.

Гунарстранна не ответил.

– Скажем так, – продолжал Карстен. – Отчасти вы правы. Он не хотел уходить на пенсию и из-за меня тоже. Конечно, я люблю свою работу, но... у меня есть и другое занятие... – Он смущенно закашлялся. – Я, видите ли, пишу... сотрудничаю внештатно в разных местах... на что требуется время.

- Внештатно?
- Я пишу в разные издания. Статьи, обзоры... время от времени публикую рассказы. Творчество требует много времени и сил.

– Вы публикуетесь под своей фамилией?

– Да.

– Значит, крепкое здоровье отца и его нежелание уходить на покой вас должно было только радовать?

Есперсен вздохнул:

– Что я могу сказать? Конечно, отец много делал, но, наверное, ему следовало заняться чем-то другим... – Он замялся. – Людям в преклонном возрасте положено... отдыхать, всячески наслаждаться жизнью. Но он... был не такой. Наверное, он был счастлив, то есть... наслаждался своим, как вы выразились, крепким здоровьем.

Гунарстранна медленно кивнул.

– Никто и не думал намекать ему о пенсии, – продолжал Карстен Есперсен. – Отец не мыслил себя без работы!

– Можете назвать хоть одного человека, который ссорился с вашим отцом?

– Легче назвать тех, кто с ним не ссорился. Отец отличался твердым и... упрямым характером. – Есперсен обрадовался, что наконец подобрал нужное слово.

– Значит, с ним было трудно иметь дело? Его можно назвать вздорным человеком?

– Предпочитаю другие эпитеты: настойчивый, неуступчивый... Решительный... Простите, я еще не привык говорить о нем в прошедшем времени.

– Он жил в этой квартире с вашей матерью?

Есперсен кивнул и нахмурился от смущения:

– Ингрид мне не мать, она вторая жена отца.

– А ваша мать жива?

– Нет... – Видя, что полицейские молчат, он продолжил: – Моя мать умерла, когда я был маленький... Папа женился на Ингрид больше двадцати лет назад, а она, в сущности, всего на семь лет старше меня. Теперь вы понимаете, почему я так отреагировал, когда вы предположили, будто она – моя мать?

– У вас есть братья или сестры?

Есперсен покачал головой.

– Значит, вы – единственный наследник?

– Ингрид тоже наследница. Возможно, в завещании... если оно есть... указаны и другие.

– Но вам об этом ничего не известно?

– О чем?

– Составил ли ваш отец завещание.

– По-моему, нет. Во всяком случае, я о завещании ничего не слышал. Но я могу дать вам телефон его адвоката. Она наверняка в курсе.

– Ваш отец был богатым человеком?

– В каком смысле «богатым»?

– Было ли общеизвестно, что у него водятся деньги?

Лицо Есперсена дернулось.

– Нет, вряд ли. Отец получал пенсию; кроме того, он назначил себе совсем небольшой оклад. Прибыль он делил с двумя моими дядями – Арвидом и Эммануэлем. Понимаете, они втроем владеют... владели магазином сообща... Наверное, у него на счете есть какие-то деньги, кроме того, эта квартира...

– И множество ценностей?

– Да какие там ценности – так, побрякушки, – пренебрежительно отозвался Есперсен, видимо вспомнив о том, что он коммерсант.

– Значит, делить придется в основном вещи, которые находятся в квартире и в магазине?

– О том, что придется делить, я как-то не задумывался...

– А вы хотя бы примерно представляете себе имущество вашего отца?

– М-м-м... наверное, сама квартира... магазин... вещи... несколько картин и... ну да, деньги на разных банковских счетах.

Гунарстранна переменял тему:

– Насколько мы поняли, после того как личность покойного была установлена, Ингрид Есперсен первым делом позвонила вам?

– Да, я приехал, как только смог.

Гунарстранна медленно кивнул.

– Она нам звонила еще раньше, ночью. – Есперсен жалко улыбнулся. – Ингрид хотела, чтобы я еще тогда приехал к ней... По ее словам, что-то разбудило ее среди ночи, и она увидела, что отец не ложился. Потом она решила, что в магазин проникли воры. Сюзанна, моя жена, успокоила ее, и Ингрид вроде бы снова заснула.

Гунарстранна окинул Карстена Есперсена задумчивым взглядом и подытожил только что услышанное:

– Ночью она почему-то проснулась, позвонила вам, но к телефону подошла ваша жена, которая ее успокоила... В какое время звонила Ингрид?

– В половине третьего.

Гунарстранна рассеянно посмотрел перед собой.

– Мы, конечно, обо всем побеседуем и с фру Есперсен, но все-таки... почему она звонила вам среди ночи?

– В их квартале последнее время участились кражи. Более того, мы... – Есперсен тяжело вздохнул, – мы ждали чего-то в этом роде.

Гунарстранна кашлянул.

– Чего именно?

– Кражи со взломом.

Заметив, что оба стража порядка изумленно смотрят на него, Карстен Есперсен робко кашлянул. Гунарстранна подождал еще немного, а потом спросил:

– Вы предприняли какие-то меры против воров?

– У нас, как положено, имеются защитные ставни на окнах, которые выходят на улицу, и, конечно, подключена сигнализация. Кроме того, отец каждый вечер обходил все помещения и проверял, все ли в порядке.

– Вчера ночью сигнализация не сработала.

– Д-да, – поколебавшись, ответил Есперсен.

– Как вы думаете, где был ваш отец, когда проснулась Ингрид?

– Все вполне очевидно, разве не так? Он был внизу. – Есперсен постучал указательным пальцем по столешнице. – Внизу, в магазине.

– Среди ночи?

– Конечно.

– Разве вас не удивило, что отец среди ночи вдруг спустился вниз? В конце концов, ему было под восемьдесят.

– Мой отец не был обычным человеком.

Гунарстранна кивнул и снова погрузился в раздумья. Затем он посмотрел на Карстена Есперсена. Тот сидел с рассеянным видом и смотрел в пространство.

– А где были вы? – поинтересовался инспектор.

– А? Что?

– Где были вы, когда звонила Ингрид?

Есперсен по-прежнему рассеянно смотрел в пространство.

– Довольно странно, – тихо ответил он. – Отец, мертвый, сейчас лежит там, внизу... Я не могу не думать о нем. Конечно, я испытываю горечь утраты... – Он немного помолчал, глубоко вздохнул и продолжал: – Ингрид, жену моего отца, сейчас утешает священник. А мы с вами

беседуем за тем же столом, за которым мы вчера ужинали всей семьей, наслаждались общением в тесном кругу... А сейчас... мне нелегко рассказывать вам об отце, говорить, каким он... был. – Он скрестил кисти рук на столешнице. – В квартире и атмосфера стала другой. Возникает чувство... ну, может быть, не враждебности как таковой, но какой-то отчужденности. Да, деловитой отчужденности! И вот что еще пришло мне в голову. Стараясь понять, как изменилась атмосфера вокруг меня, я начал испытывать глубокую тоску. Внутри меня словно образовался вакуум. Разговаривая с вами, я все время ждал этого вопроса и боялся его... «Где были вы?» Вдруг ответ на этот вопрос приобрел значимость, важность, всю силу которой я себе даже не представлял.

Карстен Есперсен затих. Гунарстранна и Фрёлик переглянулись. Есперсен покусывал нижнюю губу и о чем-то размышлял. Судя по его виду, продолжать он не собирался.

Молчание нарушил Гунарстранна. Он негромко покашлял, и Есперсен сразу встрепнулся.

– Где были вы? – повторил инспектор, глядя ему прямо в глаза.

– Дома. Ингрид ведь не первый раз вот так будила нас среди ночи. Сюзанна заранее предположила: Ингрид потребует, чтобы я к ней приехал. Ингрид... немного нервная, и потом, она всегда ужасно боялась, как бы чего не случилось с моим отцом.

– Вы слышали телефонный звонок?

– Нет. Я спал.

– Значит, вы не обсуждали звонок Ингрид тогда же... ночью?

– Да... то есть нет. Сюзанна мне рассказала сегодня рано утром.

– А разве вашу жену не встревожили слова Ингрид? Почему она сразу решила, что страхи Ингрид беспочвенны?

– Н-ну... понимаете... Ингрид... Одним словом, иногда она бывает истеричной.

Гунарстранна кивнул.

– Вы не знаете, не угрожал ли кто-то в последнее время вашему отцу?

– Нет, то есть...

– Что?

Есперсен положил обе ладони на столешницу.

– Понимаете, речь пойдет о деле довольно деликатном... – начал он.

Гунарстранна вежливо кивнул.

– Есть один человек... он работал на складе в Энсьё. Его зовут Юнни, и он служит у нас, сколько я себя помню.

– Юнни – а дальше?

– Его зовут Юнни Стокмо. Так вот, несколько недель назад между ним и отцом что-то случилось. Не знаю, что именно. Но в результате отец вынужден был уволить его.

– Он получил компенсацию?

– Юнни пришлось уйти в тот же день, хотя он проработал... много лет.

– Значит, они повздорили сравнительно недавно?

– Понятия не имею. Ни отец, ни Юнни ничего не желали рассказывать. Но, насколько я понял, ссора произошла из-за чего-то очень серьезного... и очень личного. Иначе я бы знал, в чем дело.

– Стокмо приходил к вам, жаловался?

– Нет.

После довольно долгой паузы Есперсен продолжал:

– Вот почему я подумал, что разногласия... что ссора была личным делом, касалась только их двоих. Иначе отец непременно поделился бы со мной.

– Может быть, Стокмо угрожал вашему отцу?

– Об угрозах мне ничего не известно. Я только знаю, что вчера вечером Юнни дожидался отца на улице, у нашего дома.

– Когда это было?

– Он пришел за полчаса до того, как отец вернулся домой, а вернулся он в семь.

Гунарстранна медленно кивнул, словно самому себе.

– В семь вечера? – уточнил Фрёлик, хватая ручку.

– Может быть, чуть позже, около четверти восьмого.

– На что Стокмо живет сейчас? – спросил Гунарстранна.

– Не знаю... У него есть сын, у которого в Турсхове нечто вроде мастерской. Может быть, он там и работает.

Снова наступило молчание. Франк Фрёлик откашлялся и полистал записи.

– Вы говорите, – начал он, – что вчера ваш отец пригласил гостей. Кого именно?

– Никакого приема не было. Обычный ужин. Пригласили нас, то есть меня, мою жену и детей.

– Сколько времени вы здесь пробыли?

– Мы сели за стол около семи. Отец приехал позже, где-то в четверть восьмого. Домой мы поехали часов в одиннадцать.

– Где он был до семи?

– В Энсьё, в конторе.

– Вы уверены?

– Да, он редко бывал где-то еще.

– Он обычно работал допоздна?

– Он работал всегда.

– Значит, в том, что он работал допоздна, не было ничего необычного? – уточнил Гунарстранна.

– Ни обычного, ни необычного. Он в самом деле иногда работал допоздна. Спросите лучше Ингрид, она вам больше расскажет.

Гунарстранна долго молчал, глядя перед собой.

– У вас в магазине много оружия?

– Есть немного. В основном из-за него мы и поставили защитные ставни. За старинным оружием охотятся многие коллекционеры.

– Что за оружие?

– Мушкет, алебарда, несколько дульнозарядных револьверов, несколько образцов холодного оружия...

– А штыки есть?

– Два. А что?

Их перебили. Дверь распахнулась настежь, по полу затоптали быстрые шаги. В столовую вбежал мальчик лет трех-четырех, в синих полотняных штанишках и свитере, запачканном спереди. При виде сидящих за столом незнакомых людей он опешил, но быстро преодолел смущение и подошел к Карстену Есперсену, изумленно смотревшему на него. Светлые кудрявые волосы обрамляли круглое, открытое личико с курносой сопливым носом. Малыш прижался к отцовскому колену и сунул палец в рот.

– Дедушка умер, – сообщил он инспектору Гунарстранне.

– Значит, Сюзанна приехала, – сказал Есперсен, словно извиняясь, и повернулся к сынишке: – Где мама?

Малыш его как будто не слышал. Он протянул Гунарстранне правую руку и представился:

– Мин.

– Беньямин, – уточнил Есперсен, подмигивая полицейскому.

– Нет, просто Мин, – возразил малыш по имени Беньямин, снова протягивая руку Гунарстранне.

– Покажи-ка! – обратился к нему отец. – Что у тебя там, монета? – Он покосился на полицейских с натянутой улыбкой. – Ну-ка, отдай, что там у тебя! – велел он мальчику.

– Дедушка умер, – повторил Беньямин, глядя на отца огромными круглыми глазами. – Совсем умер!

– Да, – ответил Есперсен, снова заговорщически подмигивая двоим полицейским. – Так ты покажешь папе свою монету?

Мальчик покачал головой.

– Покажи!

– Нет. – Беньямин покачал головой.

– Думаю, на сегодня у нас все, – сказал Гунарстранна, обращаясь к Франку Фрёлику.

– Ты отдашь папе монету?

– Не-ет! – завизжал малыш. Голосоку него был пронзительный, как вой электропилы.

В глазах Есперсена зажглись зловещие огоньки.

– Ну-ка, давай сюда! – Он снова схватил сынишку за руку.

– Нет! – так же пронзительно завопил тот. – Глупый папка!

– Дай сюда! – резко потребовал отец, хватая малыша за руку и по одному разжимая пальцы.

Мальчик отчаянно вырывался. Пальчики у него побелели, он заплакал. Попробовал выдернуть руку. Из его ладошки на пол выпало что-то похожее на брошку или булавку для шляпы.

– Ш-ш-ш, тихо! – прикрикнул на сынишку Есперсен и снова заулыбался: – Оказывается, никакая у тебя не монета! Это не деньги!

Карстен Есперсен поднял с пола значок и показал его сынишке. На потемневшем металле был едва заметен какой-то непонятный орнамент.

Мальчик перестал плакать и вытер глаза.

Гунарстранна и Фрёлик переглянулись.

– Отдай! – закричал мальчик и потянулся к значку.

Карстен Есперсен моментально отдернул руку и расхохотался, отчего у него задергался подбородок. Малыш снова истошно завопил.

– Ну на, забирай! – раздраженно крикнул отец, протягивая сынишке руку.

Мальчик шмыгнул носом и схватил значок. Карстен Есперсен встал и вопросительно посмотрел на полицейских:

– Пойдемте?

На обратном пути Гунарстранна остановился перед большим застекленным шкафом, в котором виднелись корешки книг в синих и коричневых кожаных переплетах. Есперсен остановился рядом и стал ждать. Беньямин высунулся из-за ближайшей двери.

Фрёлик тоже стоял и смотрел на маленькие белые фигурки в застекленном настенном шкафчике. Сначала ему показалось, что в фигурках нет ничего особенного, но, вглядевшись, он мысленно ахнул. Китайские статуэтки оказались самой настоящей порнографией. Тщательно вырезанные мужчины и женщины занимались изощренными сексуальными играми, показанными во всех подробностях. На обычном сексе дело не заканчивалось. Одна статуэтка изображала совокупление женщины с зеброй, другая – с черепахой. Еще двое улыбающихся мужчин, сплетаясь в объятиях, увлеченно мастурбировали. Все действия были показаны настолько подробно, что ничего не приходилось домысливать, а такой искусной работы Фрёлик в жизни не видел.

– Боже мой! – негромко воскликнул он.

Карстен Есперсен смерил его снисходительным взглядом.

– Коллекционные экземпляры, – со вздохом пояснил он и добавил: – Слоновая кость. А одна статуэтка, между прочим, вырезана из рога носорога.

– Они старинные?

– Конечно. – Есперсен подошел к шкафчику и показал на женщину с черепахой: – Например, вот этой уже тысяча лет.

Франк Фрёлик внимательно посмотрел на Карстена. Тот стоял скрестив руки на груди; его лицо снова задергалось. Видимо, он досадовал, потому что гости все не уходили.

– И что они все символизируют? – спросил Фрёлик.

– Что, простите?

– Какой в них смысл?

Есперсен всплеснул руками:

– Это же произведения искусства! От них нельзя требовать никакого смысла!

– Но сюжеты, согласитесь, не слишком обычные, – не сдавался Фрёлик. Он показал на женщину с черепахой: – Неужели они все-таки ничего не символизируют?

Есперсен потерял терпение:

– Ничего они не символизируют! Либо вы считаете их красивыми, либо нет.

Франк снова посмотрел на статуэтки. Да, красивые... и своеобразные, никаких сомнений. Сексуальность подавалась в них с юмористическим оттенком. Видимо, их создатели хотели показать красоту человеческого тела, которая не теряется даже при самых немыслимых позах и в самых неестественных сочетаниях. Статуэтка из рога носорога, которую показал Есперсен, представляла собой молодых атлетов, увлеченно занимавшихся групповым сексом. Они с самым довольным видом сплелись в позу, немыслимой с точки зрения физиологии. Фрёлик вздохнул и подумал: «Как, оказывается, я еще мало знаю о Китае!»

– Они ваши? – спросил он у Есперсена.

– Нет, они принадлежат этому дому.

– Они дорого стоят?

– Конечно.

– Сколько примерно?

В комнату заглянула женщина среднего возраста. Фрёлик отошел от шкафа.

– Вот ты где, – обратилась она к Есперсену. – Пожалуйста, присмотри за своими детьми, я не могу... – Заметив полицейских, она остановилась, не договорив.

Гунарстранна поспешил представиться:

– Инспектор Гунарстранна. Отдел убийств.

Ингрид Есперсен пожала ему руку. Фрёлик заметил, что хозяйка дома когда-то была настоящей красавицей и до сих пор неплохо выглядит, хотя на лице уже проступили едва заметные морщинки и складочки. Несколько секунд Фрёлик не мог решить, что делает ее такой привлекательной – ее чистое лицо под модной стрижкой или фигура и потрясающие ноги. Наверное, последнее, решил он, ее тело. Спина у нее стройная, как у школьницы. И платье выгодно облегает все нужные места.

Есперсен собирался что-то сказать. Но Гунарстранна его опередил:

– Ингрид Фольке-Есперсен?

Женщина кивнула.

– Примите наши соболезнования.

Она снова кивнула и хладнокровно посмотрела в глаза инспектору – своему ровеснику. Франк заметил, что Гунарстранна не выпустил ее руки.

Фрёлик шагнул вперед и тоже представился:

– Франк Фрёлик.

– Мы как раз собирались уходить, – словно успокаивая вдову, пояснил Гунарстранна. Но та не слышала, что он говорит. Оба полицейских следили за ее взглядом. Она в упор смотрела на Карстена Есперсена, и глаза ее наполнялись слезами.

– Карстен, – тихо и жалобно прошептала она.

В ее почти неслышных словах угадывалось отчаяние. Она не сводила взгляда со своего пасынка; тому, видимо, стало не по себе. Карстен и без того с трудом держал себя в руках. Ингрид, наоборот, не стремилась сдерживаться. Карстен Есперсен очутился в центре всеобщего внимания: мачеха и полицейские пристально смотрели на него. Все словно ждало от него каких-то важных слов.

– Вот он, – Есперсен указал на Гунарстранну, – заметил твоего Теккеря.

Три головы повернулись к инспектору. Гунарстранна по-прежнему задумчиво смотрел на вдову и ее пасынка. Наконец он соизволил нарушить молчание.

– Совершенно верно, – кивнул Гунарстранна и повернулся к застекленному шкафу: – Собрание сочинений неполное. Не вижу «Барри Линдона».

– Мне всегда казалось, что фильм лучше книги, – ответила Ингрид Есперсен с порога.

В комнате снова повисло неловкое молчание. Все молча смотрели на вдову. В конце концов та решила продолжить:

– Да, вы правы. «Барри Линдона» в самом деле недостает. К большой досаде Рейдара. Он, знаете ли... был перфекционистом и никак не мог взять в толк, что я собираюсь довольствоваться неполным собранием...

– У вас найдется пара минут? – спросил инспектор Гунарстранна.

– Самому Рейдару вечно не хватало времени на чтение, – продолжала Ингрид, видимо забывшись.

Атмосфера в комнате незаметно изменилась. Напряженность, возникшая с приходом вдовы, постепенно исчезла.

– Мне сейчас не очень хочется разговаривать, – прошептала Ингрид. – Я очень устала. Прошлую ночь почти не спала.

– Мы можем вернуться завтра, – предложил Гунарстранна. – Правда, нас интересуют всего два вопроса. Ваш муж вчера ложился спать?

Ингрид покачала головой:

– Я проснулась, когда сообразила, что его нет... наверное, так. Чтобы заснуть, я приняла снотворное.

– Когда вы вчера легли спать?

– От одиннадцати до половины двенадцатого...

– Вы звонили... – Гунарстранна мотнул головой в сторону Есперсена.

– Да, – ответила Ингрид. – Ночью, после того как проснулась. Но Карстена дома не оказалось.

Ингрид и Карстен Есперсен стояли и смотрели друг на друга в упор.

– Я спал, – нехотя буркнул Карстен.

– Я так и поняла, – ответила она. Глаза у нее заблестели, губы задрожали. Ей, видимо, хотелось сказать что-то еще, но она не решалась.

Молчание нарушил Гунарстранна:

– Зачем вы звонили?

– Испугалась, когда не увидела в спальне Рейдара.

Инспектор окинул вдову внимательным взглядом.

– Вы слышали внизу шум?

– Сама не знаю, – ответила она.

Так как Гунарстранна промолчал, ее слова как будто повисли в воздухе. Инспектор сплел пальцы рук за спиной и стал ждать, но продолжения так и не услышал. Ему пришлось уточнить:

– Вам показалось, что вы слышали какой-то шум?

– Сама не знаю, – повторила вдова, опуская голову и сосредоточенно вычищая грязь из-под ногтя. Кисти руку нее были маленькие, белые; тонкие пальцы казались еще тоньше благодаря массивным кольцам. Лак на ногтях, ярко-красный, почти облупился. – Я испугалась, – рассеянно добавила она. – Не понимаю, что на меня нашло.

– Почему вы испугались?

– Потому что Рейдара рядом не оказалось. – Губы у нее снова задрожали, и в темных глазах показались слезы. Она вытерла лицо рукой.

Есперсен шагнул вперед и многозначительно кашлянул. Гунарстранна поднял руку, вызывая его к молчанию.

– После того как вы позвонили Карстену Есперсену, вы снова заснули?

– Нет, – быстро ответила Ингрид. С ней что-то случилось. Вопросы инспектора о покойном муже как будто выбили ее из равновесия. Маска безмятежности, словно приросшая к ее лицу вначале, когда она только вошла, стала полупрозрачной. Она просвечивала, как подсвеченная солнцем поверхность тихого лесного озера. После того как по воде прошла рябь, стали видны омуты и водовороты внизу. – Я лежала без сна до тех пор, пока по улицам не поехали машины, – продолжала она. – Движение началось... рано, очень рано, когда было еще темно. – Она замолчала и покосилась на пасынка, который посмотрел на нее в ответ. Фрёлик не понял, как истолковать ведущийся между ними безмолвный диалог.

– А потом? – спросил Гунарстранна.

Ингрид Есперсен повернулась к нему:

– Потом я решила, что мне приснился страшный сон, что все звуки и прочее я придумала. Поэтому... – Она закрыла глаза.

– Да?

Ингрид показала вниз:

– Я уже собиралась заснуть, когда...

– Его заметила проходившая мимо женщина, – кивнул Гунарстранна. – Мне сообщили, что вы спустились в магазин к нашему коллеге Иттерьерде и опознали покойного мужа.

– Да.

Все трое посмотрели на вдову. Ингрид как будто забыла об их присутствии. Устремив взгляд на какую-то точку в дальнем углу комнаты, она рассеянно соскребала лак с ногтей.

– Дверь в магазин с лестницы была открыта, – продолжал Гунарстранна.

Ингрид кивнула.

– У кого хранятся ключи от магазина?

– У отца и у меня, – вмешался Есперсен.

– У меня тоже есть ключи, – устало проговорила Ингрид.

Гунарстранна повернулся к Карстену:

– А еще у кого?

Есперсен задумался.

– Может быть, дубликаты есть у Арвида и Эммануэля, – сказала Ингрид Есперсен.

Карстен немного подумал и кивнул:

– Да, возможно... Вполне вероятно. Да, у них наверняка тоже есть ключи.

– Кто такие Арвид и Эммануэль? – спросил Гунарстранна у вдовы.

– Братья Рейдара, – ответила она.

– И часто ваш муж оставлял дверь незапертой, когда вечером спускался в магазин?

– Понятия не имею, – сказала вдова.

– Когда приехала полиция, в торговом зале было темно, – продолжал Гунарстранна. – Кто мог выключить свет – ваш муж?

– Свет в торговом зале ему не был нужен. Если он где-то и включал свет, то в кабинете, в подсобке, – вмешался Карстен Есперсен.

Ингрид села в кресло у книжного шкафа и резко одернула юбку, задравшуюся до колен.

– Самое странное, я сразу догадалась, что случилось... Когда мне позвонили из полиции.

Фрёлик не сводил взгляда с Карстена Есперсена. Тот наблюдал за Ингрид застывшим взглядом.

– Понимаю, мои слова звучат неубедительно, – продолжала Ингрид. – Но я пережила такой ужас... – Она снова вытерла глаза пальцами и шмыгнула носом.

У Есперсена покраснело лицо – от гнева, как предположил Фрёлик. Сын покойного спросил у Гунарстранны:

– Может быть, хватит?

Инспектор посмотрел на него без всякого выражения и ответил:

– Еще нет.

– Я увидела, что он умер, – монотонно продолжала Ингрид. – Сама не помню, о чем я тогда подумала. Мне хотелось одного: уйти.

Гунарстранна бросил на нее задумчивый взгляд и сказал:

– Спасибо. Вынужден просить вас держать при себе все, что вы увидели в магазине. – Он двинулся к двери, давая понять, что беседа закончена. – То же самое относится и к вам, – сухо продолжал он, оборачиваясь к Карстену Есперсену. – Очень жаль, но таковы правила. К сожалению, вам придется некоторое время потерпеть наше присутствие... Мы постараемся не очень нарушать течение вашей жизни. Надеюсь, и вы отнесетесь к нам с пониманием.

Глава 10

ГРАФФИТИ

В секционном зале Франка Фрёлика, как всегда, ошеломила плохая вентиляция. Ища глазами, куда бы присесть, он старался дышать ртом. В конце концов он махнул рукой и подошел к остальным. Все пристально разглядывали тело Рейдара Фольке-Есперсена. Белый труп лежал на цинковом столе под ярким хирургическим светильником. Фрёлик украдкой поглядывал на доктора Сквенке и инспектора Гунарстранну.

– Так что там у него на шее? – осведомился Гунарстранна.

– Швейная нить, – ответил Сквенке. – Хлопчатобумажная. Во всяком случае, похоже на то. – Он приподнял нить ножницами. – Если подробнее: нить красного цвета, завязана рифовым узлом.

Гунарстранна сцепил руки за спиной. Он неодобрительно смотрел вниз, как будто читал письмо адвоката по бракоразводным делам. Лаборант со скальпелем в руке переводил выжидательный взгляд с трупа на доктора Сквенке; тот не спеша натягивал хирургические латексные перчатки. Заметив взгляд Фрёлика, Сквенке подмигнул ему:

– Прямо картина Рембрандта, да? Люди в черном вокруг трупа. Погодите, сейчас красок добавится. Вот вытяну из него красные трубочки...

Сквенке раздвинул кожу на груди покойного, ткнул пальцем в относительно чистую рану под правым соском и буркнул:

– Единичная колотая рана... – Он провел рукой по надписи на груди и продолжал: – Все остальные – поверхностные царапины.

Фрёлик посмотрел на зияющую рану. Цифры и буквы пока невозможно было прочесть из-за крови. Сквенке счистил кровь и вгляделся.

– Похоже на цифры, да? – спросил он, проводя пальцами по одной из царапин. – Вот эта загогулина – вроде цифра «один». Но первый знак – явно буква, «И» или «И».

– «И – один – девять – пять», – вслух прочел Фрёлик. – И правда!

Сквенке кивнул с довольным видом.

– Какой-то шифр? – уныло поинтересовался Гунарстранна и повторил: – «И – один – девять – пять». – Обернувшись к Сквенке, он спросил: – А что за кресты у него на лбу?

– Просто крестики. Нацарапаны чернилами того же цвета. Должно быть, на лбу и на груди рисовали одной и той же ручкой.

Фрёлик склонился над трупом; Сквенке выпрямился.

– На одежде порез такого же размера, что и рана, пропитанный кровью. Значит, его убили, когда он еще был одет. – Доктор криво улыбнулся и произнес в диктофон несколько медицинских терминов. Затем, понизив голос, обратился к полицейским: – Граффити добавили уже потом.

Фрёлик посторонился, пропуская к столу женщину-фотографа. Та сделала несколько снимков трупа. Сквенке продолжал говорить в диктофон.

Гунарстранна не сводил взгляда с груди убитого.

– Шифр, – промямлил он себе под нос, погруженный в собственные мысли. – Преступник берет на себя труд раздеть жертву, что-то написать у нее на теле и усадить покойника на витрину.

Когда все отошли от стола, лаборант начал обмывать труп.

– Сатанисты, – предположил стоящий справа Сквенке и добродушно подмигнул Фрёлику.

– О чем ты? – раздраженно осведомился Гунарстранна.

– Да я шучу. – Сквенке снова подмигнул Фрёлику. – А все-таки в действиях преступника угадывается какой-то ритуал, нет? В наше время ритуалы остались только у масонов да у сатанистов. – Он расплылся в улыбке. – На шее красная нить, на лбу три креста... Не хватает только рыбы, торчащей изо рта. – Сквенке расхохотался. – Может быть, именно ее мы сейчас и найдем, – продолжал он, подходя к столу, где его ассистент уже закончил свое дело. Перед тем как сделать классический разрез – от шеи до живота и ниже, к лобку, Сквенке изящно взмахнул скальпелем.

Сквенке подвинулся, и ассистент начал вскрывать мертвецу грудную клетку. Услышав характерный хруст, – как будто кто-то рубил толстые корни дерева в жидкой грязи, – Фрёлик, как всегда, отвернулся. Ему захотелось зажать уши.

– Что, Фрёлик, тошнит? – весело спросил Сквенке. По знаку ассистента он снова подошел к труп, развел мягкие ткани и, крепко ухватившись за грудину, приподнял ее.

Извлеченные внутренние органы Сквенке разложил на вспомогательном столе. Ассистент очень тщательно промыл их из шланга. Стараясь не попасть под струю, Фрёлик отошел в сторону и снова задышал ртом: зал наполнила удушающая вонь.

– Ну кто бы мог подумать, – пробормотал Сквенке. – Кто бы мог подумать!

Гунарстранна словно очнулся:

– Что там такое?

Сквенке ответил:

– Вопрос в том, долго бы он еще протянул.

– Почему?

Сквенке ткнул пальцем:

– Вот.

– Ну и что?

– Почка поражена раком.

– Не вижу никакого рака.

– Да вот же, смотри! – Сквенке поднял что-то, похожее на изжеванный и выплюнутый апельсин кроваво-красного цвета. – Теперь видишь?

– Ну ладно, ладно. Но ведь он должен был что-то чувствовать, разве нет?

– Не знаю. Опухоли такого типа часто долго не дают о себе знать. Если я не ошибаюсь, метастазы уже пошли в легкие.

– Он умирал?

– Похоже на то.

– Но не догадывался, что умирает?

– Понятия не имею. У меня ведь нет его истории болезни. Поговори с его лечащим врачом, проконсультируйся с онкологами. Повторяю, подобные опухоли нередко обнаруживаются только при вскрытии.

Гунарстранна задумчиво кивнул.

– Что ты можешь сказать о ране? – спросил он после долгой паузы. – Под каким углом?

Сквенке изучил раневое отверстие, посмотрел на внутренние органы мертвеца.

– Судя по всему, его ударили снизу вверх под острым углом. Задето легкое. Пробиты жизненно важные кровеносные сосуды.

– Но рана только одна?

– Да... Гдиничная колотая рана, – повторил Сквенке, роясь в брюшной полости мертвеца.

Фрёлик отвернулся и посмотрел на Гунарстранну. Инспектор не сводил взгляда с рук Сквенке.

– Можешь сказать мне что-нибудь еще? – отрывисто спросил инспектор.

Сквенке поднял голову:

– Что, например?

– Да ладно, ничего! – Гунарстранна ожесточенно порылся в карманах.

– Здесь курить запрещено, – заметил Сквенке.

– А я что, курю? – раздраженно ответил инспектор, показывая, что у него в руках ничего нет.

Сквенке выпрямился и виновато улыбнулся:

– Извини. Итак... Должно быть, когда лезвие пронзило крупные кровеносные сосуды, кровь хлынула из него фонтаном... Но ты утверждаешь, что на месте преступления царила поразительная чистота. Поэтому можно сделать вывод, что убитый рухнул прямо на пол. Но, судя по тому, что его одежда насквозь пропиталась кровью, одежда убийцы тоже должна быть в крови.

– Причина смерти?

– Девять к одному – колотая рана. Подожди пару часов; возможно, мне удастся выяснить что-нибудь еще.

– Время смерти?

Сквенке обернулся.

– Гунарстранна, смерть – это процесс. Жизнь – не цифровой механизм, который прекращает работать за секунду.

– Но ведь ты наверняка можешь хотя бы предположить, когда...

– Иногда мозг умирает, а в стенке желудка и в белых кровяных тельцах продолжается жизнь, – перебил его Сквенке.

– Скажи хотя бы приблизительно, когда его ударили и он упал на пол, – невозмутимо попросил инспектор.

– Для этого надо выяснить, какова была температура его тела, когда наши сотрудники приехали на место происшествия, и сравнить ее с температурой воздуха у окна. Затем нам нужно будет изучить содержимое желудка, выяснить, когда он ел в последний раз и из чего состояла его трапеза. Трудность в том, что помещение, в котором находился покойный, насквозь промерзло. Если температура мозга такая же, как и воздуха в помещении, измерения нам не очень помогут. Кроме того, трупное окоченение еще не прошло. Насколько я понял, вашим криминалистам пришлось изрядно повозиться с его конечностями, когда его вытаскивали из витрины. Можешь сказать, что он ел перед смертью?

– Стейк из оленины, – ответил Гунарстранна. – Вчера вечером, между половиной восьмого и десятью.

Сквенке, изучавший желудок мертвеца, поднял голову и кивнул:

– Совершенно верно, он ел стейк из оленины под соусом из лисичек. И запивал еду красным вином. По-моему, вино было испанское... риоха нового урожая. – Заметив, как изменился в лице Фрёлик, Сквенке ухмыльнулся. – Да я шучу! – Посерьезнев, он задумчиво сказал: – Повторяю, неизвестно, сколько градусов было в помещении, где его нашли. Неизвестность затрудняет нам жизнь.

Глава 11

HELTER SKELTER⁴

После вскрытия они молча поехали в полицейское управление на Грэнланд и отправились к себе в кабинет. Фрёлик включил компьютер и стал составлять отчет. Гунарстранна переписал загадочную надпись на груди мертвеца на листок, потом встал и налил себе остатки кофе из термоса. Кофе успел остыть. Гунарстранна поморщился, подошел к раковине и вылил холодную жидкость. Затем посмотрелся в зеркало и состроил недовольную гримасу.

– Иногда меня ужасно раздражают собственные зубы, – признался он. – Отчетливо видны коронки. И чем старше становишься, тем они заметнее. Если я доживу до семидесяти, наверное, буду похож на огромную челюсть, к которой кто-то прикрепил тело.

Фрёлик выпрямился и сказал:

– Ну-ка, дай взглянуть.

Гунарстранна повернулся к нему и растянул губы; Фрёлик сделал вид, что вздрогнул от удивления.

– Ты в самом деле похож на челюсть с подвешенным телом, – кивнул он, но, заметив, какой свирепый взгляд бросил на него Гунарстранна, поспешил откреститься: – Да я пошутил!

Гунарстранна вернулся за стол и взял листок с написанным на нем шифром.

– Может, номер дороги? – предположил Фрёлик. – Какие у нас дороги начинаются с буквы «И»?

– Не обязательно с «И». Возможно, это половинка «Ш». А насчет букв... Например, в Англии федеральные трассы начинаются с «А»: А-один, А-два...

– Но «А» – не «Ш».

– Да, но должны ведь быть какие-нибудь второстепенные дороги, которые начинаются с буквы «Ш», как есть дороги, которые начинаются с «А» или «Э». Например, «Эуропавейен».

– Здесь «И», – парировал Гунарстранна. – А вовсе не «А» и не «Ш». Здесь написано: «И – сто девяносто пять». Если тебе кажется, что это номер дороги, выясни, существуют ли в природе магистрали, которые начинаются с букв «И» или «Ш». По-моему, все возможно. Вот только в Осло таких дорог нет, как и во всей Норвегии, а наши с тобой полномочия за пределами Осло заканчиваются.

– А может, так называются духи? – не сдавался Фрёлик. – Например, я точно знаю, есть духи, которые называются «Сорок семь одиннадцать».

Гунарстранна поднял листок бумаги повыше и ткнул в цифры указательным пальцем.

– Здесь разве написано «сорок семь одиннадцать»? – спросил он угрожающе вкрадчивым голосом.

– Нет, – нехотя ответил Фрёлик. – Но нам, если мы хотим в конце концов понять, что означает надпись, надо придумать несколько версий. Это называется «мозговой штурм». Ты предлагаешь версию, одно цепляется за другое...

– Ах вот как?

– Надпись может обозначать что угодно: торговую марку, сокращение, код...

– Да, действительно.

– А может быть, это просто обманка, – продолжал Фрёлик. – Набор ничего не значащих цифр и букв, призванный сбить нас с толку.

Гунарстранна с сомнением покачал головой:

⁴ «Кавардак» – название песни из «Белого альбома», записанного группой The Beatles (1968).

– Убийца заколол старика штыком, терпеливо сидел с ним рядом в выстуженной комнате с огромной витриной, выходящей на улицу, дождался, пока жертва наконец умрет, раздел ее, написал что-то на теле, чтобы сбить нас с толку, а потом зачем-то втащил труп на витрину и усадил в кресло! Нет, все не просто так. Убийца, скорее всего, что-то хотел нам сказать... – Гунарстранна несколько минут пристально смотрел на Фрёлика, а затем продолжил: – Ты только представь, какому риску он себя подверг. Витрина, надпись... И потом, по словам Сквенке, убийца должен был весь перепачкаться кровью. Если он собирался сбить нас со следа, все можно было сделать по-другому, гораздо проще.

– Как, например?

– Вспомни хотя бы Чарлза Мэнсона. Это ведь он написал кровью слова «Helter Skelter» на стене квартиры, которая принадлежала этой... как ее...

Несколько секунд Фрёлик как зачарованный слушал, как Гунарстранна стучит пальцем по столу, пытаюсь вспомнить фамилию. Наконец вспомнил:

– Шерон Тейт, жене режиссера Романа Полански!

– Ну да, что-то вроде.

Гунарстранна встал и начал рассказывать туда-сюда.

– Убийца мог нарисовать череп на старом гербе, помочиться на труп... У него была масса возможностей!

– Жена, – негромко сказал Фрёлик.

– Что?

– Жена живет в том же подъезде, в квартире на втором этаже. Она вполне могла успеть подняться к себе, принять душ, постирать одежду. А нам она пудрит мозги, что якобы не спала всю ночь...

– Она почти на тридцать лет моложе старика, – заметил Гунарстранна. – Скорее всего, она ему изменяет.

– По-твоему, у нее есть любовник?

Вместо ответа, Гунарстранна задумчиво продолжал:

– Непонятно, зачем она среди ночи звонила Карстену Есперсену. Если мужа убила она, то его сыну звонила по двум причинам: чтобы подтвердить историю со взломом и обеспечить себе своего рода алиби.

– Она у нас единственная подозреваемая? – уточнил Фрёлик.

– Других пока нет. Вот бы выяснить, с кем у нее интрижка...

– Если любовник существует, – с улыбкой возразил Фрёлик.

– Он существует. Точно тебе говорю.

– Откуда ты знаешь?

– Да это видно невооруженным глазом.

– Невооруженным глазом? Да ведь ей уже за пятьдесят!

– Хочешь сказать, что отказываешь в сексуальной жизни тем, кому за пятьдесят?

Фрёлик понял, что ступил на тонкий лед.

– Да нет, я вовсе не в том смысле...

– Ну да, конечно! – язвительно ответил Гунарстранна.

– Я хотел сказать, что... – Фрёлик замолчал и посмотрел на начальника, который стоял с невозмутимым выражением на лице.

– Что ты хотел сказать?

– Брось, перестань! – не выдержал Фрёлик, нервы которого и так были на пределе. – В конце концов, все сводится к гормонам! «Ты всегда так много работаешь, милый...» А потом измены... Такие дела хороши для тридцатилетних, разве нет?

– «Ты всегда так много работаешь, милый»? – нахмурился Гунарстранна. – Неужели я наконец-то выяснил, почему ты все не женишься?

– Брось, – поморщился Фрёлик.

– Да пойми же, стоило мне увидеть вдову, как я сразу подумал: у нее наверняка есть любовник. Интересно, почему тебе не пришла в голову такая же мысль?

– Понятия не имею... – протянул Фрёлик. – Она показалась мне немного... ну, не знаю... она производит впечатление утонченной.

– Утонченной?

– Да, – кивнул Фрёлик. – Утонченной и милой.

– Фрёлик, неужели ты в самом деле думаешь, будто восьмидесятилетний старик еще...

– Ты хочешь сказать, что отказываешь в сексуальной жизни тем, кому за семьдесят? – парировал Фрёлик.

– Спорим на сто крон... – заявил Гунарстранна, явно обиженный покровительственным тоном своего заместителя. – Хотя... нет. – Он помотал головой. – Лучше не так. Спорить я не буду. Я лично подарю тебе сто крон, если еще до конца следствия не выяснится, что у нашей вдовы имеется родственная душа.

– Родственная душа – не то же самое, что любовник.

– Хорошо, любовник. Сто крон. Небывалое дело!

Позже, когда Фрёлик ушел, Гунарстранна сел за стол и устремил тяжелый взгляд на телефон.

Последний раз, когда Гунарстранна виделся с Туве Гранос, она приглашала его на ужин. Тогда он в третий раз за много лет ужинал в ресторане наедине с женщиной. Инспектор полиции Гунарстранна не хотел лишний раз унижаться точным подсчетом. Он ограничился тем, что признал: срок явно был долгим.

Туве повела его в японский ресторан на площади Лапсеторвет. Гунарстранна, наверное, принадлежал к числу немногих ретроградов, ни разу в жизни не пробовавших блюд японской кухни. Он не стеснялся своего невежества, но не собирался и разыгрывать из себя ретрограда или деревенщину. Поэтому он целиком положился на Туве – и не пожалел. Ужин не был полной катастрофой. Правда, он уронил рис в соевый соус и ему с трудом удалось прожевать кусочки сырой рыбы, но суши ему неожиданно понравились. Подогретое саке напоминало самогон, в который добавили сахар, и сразу ударило ему в голову – тоже совсем как самогон. За соседним с ними столиком сидели японцы, которые заказывали смело, видимо не боясь отравиться. Сначала их стол уставили тарелками и блюдами с кусочками рыбы и рисом. Затем из кухни вышел повар и принялся готовить еду прямо за столиком. Он ловко орудовал ножами и палочками. Японцы быстро захмелели от рисового вина. Один из них обучил инспектора есть палочками. В общем, Гунарстранна решил, что в целом вечер удался. Правда, когда они покидали ресторан, ноги у него заплетались и он не мог вспомнить, о чем они там говорили. Он не помнил даже, где и когда они с Туве расстались. Зато он почему-то помнил, как обещал повторить эксперимент.

Однако теперь, когда над ним висело расследование убийства, он боялся, что из заранее запланированного вечера не выйдет ничего хорошего.

Гунарстранна посмотрел на часы. Туве работала посменно старшей медсестрой. Шла середина дня. Возможно, она сейчас дома...

Он понял, что нервничает, когда заметил, как дрожит рука, держащая трубку.

– Здравствуйте, – услышался ее бодрый ответ.

– Привет, – сказал он, испуганно улыбнувшись своему отражению в окне. – Узнаешь?

– Узнаю. Спасибо за приятный вечер.

– Да, было... неплохо.

– Точно, – ответила Туве.

– Тут у нас человека убили, – без перехода продолжал Гунарстранна.

- Значит, с анчоусами придется подождать?
 - С анчоусами?
 - Твои слова. Ты назвал то, что мы ели, анчоусами, а sake – огненной водой.
 - Правда?
 - Но посидели мы хорошо. Чем сегодня займемся?
- Гунарстранна откашлялся и признался:
- Гели честно, я еще не решил.
- Он понял, что Туве Гранос улыбается.
- Кофе, – сказала она. – Не сомневаюсь, на чашку кофе у тебя времени хватит.

Глава 12

К ВОСТОКУ ОТ РАЯ

Арвид Фольке-Есперсен жил в старом доме в Ураниенборге с красивым видом на центр Осло. Многие пожилые столичные жители до сих пор живут в тех квартирах, в которых они появились на свет, если только шустрые отпрыски не продают семейные гнезда риелторам, что называется, со всеми потрохами.

Шла середина дня; Франк Фрёлик смотрел на парадную дверь и планировал предстоящую беседу. Затем он включил мобильник, позвонил Еве Бритт и предупредил, чтобы вечером она на него не рассчитывала. Хотя отменять встречу было не обязательно и хотя Ева Бритт ужасно рассердилась, Фрёлик вздохнул с облегчением. Свобода! Не придется весь вечер торчать перед телевизором. Фрёлик сам не заметил, когда начал скучать в обществе Евы Бритт. Он еще немного посидел в машине, глядя в пространство. Несколько дней назад он в очередной раз пересмотрел «Побег» – не современную поделку, а старый, оригинальный фильм Сэма Пекинпа со Стивом Маккуином и Эли Макгро. Самое забавное, что жена доктора – вылитая Анна. У нее такие же черные волосы, карие глаза и длинные, стройные ноги. Правда, Анна не такая тощая, но в остальном они до странности похожи. Он никак не мог отделаться от мысли, что сегодняшняя встреча с Анной – к счастью. Вот и фильм кстати вспомнился. Одно к одному... И все же пришлось признать, что у него не было никакого предлога для того, чтобы звонить ей. Кроме того, у него есть Ева Бритт, какими бы сложными и запутанными ни были их отношения. Тяжело вздохнув, Фрёлик вылез из машины и поднялся на крыльцо, где его уже ждал хозяин.

– Конечно, я постараюсь помочь вам чем смогу, – сказал Арвид Фольке-Есперсен, впуская Фрёлика в квартиру, где пахло пылью и старыми книгами.

«Как в букинистическом магазине», – подумал Фрёлик, с трудом стаскивая с себя зимние ботинки. Из-за занавески послышалось негромкое рычание. Арвид отдернул занавеску. Среди множества ботинок стояла корзинка, заваленная старыми тряпками. В корзинке лежала забинтованная дрожащая собачка.

– Ну надо же, ты поранилась, да? – обратился к ней Фрёлик.

Собачка продолжала дрожать, прижимая уши к голове.

– У Сильви сломано два ребра, – пояснил Арвид, распахивая дверь гостиной. – Ей, бедняжке, надо лежать.

Следом за хозяином Фрёлик вошел в комнату с высоким потолком, обставленную изящной мебелью. На плинтусах шариками собиралась пыль. Окна были занавешены толстыми шторами, почти не пропускавшими света. Хозяин и гость сели за стол, на котором стоял поднос с кофейными чашками, кофейником, сахарницей, стаканами и бутылками.

– Хотя Рейдар был самым старшим, я всегда думал, что он меня переживет, – мрачно проговорил Арвид. На нем был костюм в широкую полоску, из жилетного кармана свисала цепочка от часов. На шее темно-красный шелковый шарф. – Он много чего повидал на своем веку, наш Рейдар. Однажды, в сорок четвертом, его даже сбили над Германией, а ему хоть бы что. Ни единой царапины! Рейдар как будто старел лишь внешне; мне казалось, что он бессмертен. Не хотите к кофе бокал портвейна?

Фрёлик покачал головой.

– Вы совершенно правы, – вздохнул Арвид, поднимая к глазам пустой бокал. Заметив на нем пятнышко, он тщательно протер бокал носовым платком перед тем, как налить себе вина. – Мне пришлось перейти на портвейн, хотя раньше я предпочитал коньяк. Портвейн мягче.

Фрёлик наклонился вперед и потянулся к пузатому желтому термосу-кофейнику. Едва он коснулся крышки, та, влажно чмокнув, открылась. Он налил себе кофе.

– Скажите, как вы отнеслись к тому, что его убили? Одно дело – обычная смерть, но убийство...

Арвид покачал головой и буркнул:

– Это... хмм... за пределами моего понимания.

– Как вы думаете, что бы предпринял Рейдар, если бы поймал на месте преступления вора?

Арвид поставил бутылку портвейна на стол и задумался.

– Понятия не имею! Сегодня столько развелось всяких наркоманов и прочей швали... С ними не знаешь, как себя вести. Вам, конечно, известно о них куда больше, чем мне. Но ведь Рейдар не был совсем отсталым. Он читал газеты и смотрел телевизор, как все прочие.

– Как он, по-вашему, повел бы себя в таком случае? Постарался бы не показываться вору на глаза, а может, наоборот, заговорил с ним или...

– По-моему, он бы постарался держаться от вора подальше... а может, и нет. Рейдар отличался очень решительным характером. Если уж он что-то вбивал себе в голову, разубедить его стоило больших трудов. Мы с ним совсем не похожи; я осторожнее и терпеть не могу скандалов. На его месте я постарался бы держаться от вора подальше и не шуметь. Ну а Рейдар, по-моему, ничего не боялся... особенно в последние годы. Как говорится, положение обязывает. Ну да, он вполне мог приказать незваному гостю убираться или еще как-то пригрозить ему. – Арвид отпил глоток вина и задумчиво промямлил: – Ужас, ужас...

Фрёлик пил кофе – жидкий, светло-коричневый. На поверхности плавали два кусочка зерен. Один из них попал Фрёлику в рот. Он осторожно извлек его кончиком пальца.

– Давно вы виделись с братом? – спросил он, вытирая палец о край блюдечка.

Арвид вздрогнул, как будто вопрос отвлек его от тяжких раздумий.

– Нет, совсем недавно... Только вчера Рейдар был у меня вместе с Эммануэлем. Кстати, я обещал позвонить Эммануэлю. Не забыть бы... Пожалуйста, напомните перед уходом, чтобы я позвонил брату.

– Когда Рейдар был у вас?

– Он пришел часов в двенадцать, может быть, чуть позже.

– Может быть?

– Да, теперь припоминаю... Он пришел в начале первого. Кажется, все остальные были уже в сборе, а Рейдара пришлось подождать.

– А ушел когда?

– Он пробыл у меня чуть меньше часа.

– И каким он вам показался?

Арвид погладил подбородок.

– Он был не похож на себя, какой-то расстроенный.

Фрёлик удивленно нахмурил брови.

– Да. Вы же видели Сильви, мою бедную собачку? Так вот, Рейдар чуть не убил ее! Ему повезло, что все так обернулось.

– Он пытался убить вашу собаку?

Арвид кивнул.

– Понимаю, мои слова звучат дико. Рейдар что есть силы пнул ее ногой. И вот результат: сильное внутреннее кровотечение и два сломанных ребра. То, что она выжила, – просто чудо.

– Неужели он так сильно ее ударил? За что? Она его укусила?

– Нет, Рейдар просто был не в себе. Прямо сам не свой. По-моему, раньше я его таким не видел. Когда я вспоминаю о том, как он вел себя с собакой, я не могу представить, что случилось бы, если бы к нему залез вор. Карстен еще не выяснил, что украдено?

Перед тем как ответить, Фрёлик заглянул в блокнот.

– Почему он был, как вы выразились, сам не свой? Вы поссорились?

– Что вы, нет. То есть мы говорили о делах. Понимаете, нас... было... три брата: Эммануэль, Рейдар и я. Магазином мы владеем совместно, как товарищество с ограниченной ответственностью. Просто мы с Эммануэлем некоторое время назад устроились отдел, решили, что нам пора отдохнуть, а Рейдар хотел продолжать работать.

– Хм... ну, теперь у него, похоже, не осталось выбора, – сухо заметил Фрёлик. Он сразу понял, каким неуместным может показаться его замечание, и поспешил добавить: – Значит, вы встречались с братьями не просто так, а по делу?

– Совершенно верно, по делу. Мы решили продать магазин, то есть объявились покупатели: очень приличные люди, семейная пара. Они, кстати, вчера тоже приходили ко мне. Некий господин Хиркенер с супругой. Да, скорее всего, они женаты – во всяком случае, кольца у них есть. Господин Хиркенер здорово разбирается в антиквариате... и его жена тоже, конечно.

– Значит, произошла ссора?

Арвид покачал головой:

– Не ссора. Лучше сказать – разногласия.

– Из-за чего?

– Из-за предстоящей сделки. Нас с Эммануэлем предложение господина Хиркенера вполне устраивало, а...

– А Рейдара нет?

– Совершенно верно. Я думал, ему тоже хочется продать магазин. Рейдар никогда не возражал против лишних денег, но, с другой стороны, он терпеть не мог, когда мы высказывали свое мнение. У Рейдара, знаете ли, имелись свои странности. Он был старшим, и за ним всегда должно было оставаться последнее слово. В общем, мы с Эммануэлем заранее предчувствовали, что он не обрадуется, но даже представить себе не могли, что он так раскипятится. Он все нам высказал уже после того, как покупатели ушли. Мы собирались спокойно обсудить их предложение, но до обсуждения дело так и не дошло.

Арвид снова погрузился в глубокие раздумья, вертя бокал с портвейном в руке.

– Вот тогда я и видел Рейдара в последний раз.

– Что вы можете сказать о состоянии здоровья вашего брата?

Арвид удивленно поднял брови.

– Он чем-нибудь болел?

Арвид открыл рот и разразился беззвучным смехом.

– Рейдар никогда ничем не болел! Неужели вы хотите сказать, что он умер от болезни? Фрёлик покачал головой и подлил себе кофе.

– Теперь единственные владельцы магазина – вы и Эммануэль?

Арвид хмыкнул:

– Наверное, и Ингрид тоже... как наследница Рейдара. Она может откупиться от Карстена и получить всю долю Рейдара. Ингрид – замечательная женщина. Очень красивая.

– Она гораздо моложе вашего брата.

– Верно. Рейдар был старым козлом, в чем нет никакого сомнения.

– Вы уверены, что доля Рейдара достанется его жене?

– Да, наверное.

Франк Фрёлик ждал.

– К большому сожалению Карстена, имущество Рейдара и Ингрид находилось в совместной собственности.

– Что вы имеете в виду?

– А?

– Почему вы сказали «к большому сожалению Карстена»?

Арвид невесело улыбнулся:

– Карстену наверняка хотелось бы самому управлять магазином...

– Хотите сказать, что Карстен хотел стать единственным наследником?

– В таком желании нет ничего противоестественного, верно?

– Не знаю, – ответил Фрёлик. – Значит, вы утверждаете, что потенциальные наследники вели спор из-за наследства?

Арвид довольно долго смотрел на него в упор, а потом без выражения спросил:

– В каком смысле?

Фрёлик окинул его внимательным взглядом. Может быть, Арвид в самом деле намекал на разногласия между вдовой и сыном убитого. Тем временем Арвид заволновался. Видимо, до него только что дошло, что он беседует не с кем-нибудь, а с полицейским и потому должен внимательнее относиться к своим словам. Знакомая реакция!

– Возникнет ли спор из-за наследства после смерти вашего брата? – перефразировал вопрос Фрёлик.

– Не знаю.

– Значит, я неправильно понял ваши слова о «большом сожалении Карстена»?

Арвид затих, словно одурманенный.

– Что вы имели в виду? – не сдавался Фрёлик.

– Я имел в виду, что... Я попал в затруднительное положение. Учтите, я не желаю ни на кого из них бросать тень! Карстен и Ингрид – хорошие друзья. Если кто-то и расстраивается из-за того, что Карстен не единственный наследник, так сказать, волк в овечьей шкуре, то это, скорее всего, Сюзанна, жена Карстена. Такое, правда, случается во всех семьях. Вот помню...

– Отлично, – перебил его Фрёлик. – Но разве право собственности на магазин – дело решенное?

– Да, наверное. Во всяком случае, пока не откроют завещание Рейдара, я склонен предполагать, что его наследницей окажется Ингрид.

– И вы попытаетесь уговорить ее продать ее долю этому...

– Хиркенеру. Как произносится, так и пишется: «Хир-ке-нер».

– Я понял. – Фрёлик взмахнул ручкой, призывая своего собеседника продолжать.

– О чем вы спрашивали?

– Согласится ли Ингрид продать магазин, если Рейдар был против.

– Конечно, согласится.

– А его сын, Карстен?

– А что – Карстен?

– Он ведь управляет магазином?

– Мы заранее провентилировали с Карстеном вопрос о продаже; по-моему, он остался вполне доволен.

– Но ведь он тогда лишится работы?

– Не знаю, насколько он дорожит такой работой. Видите ли, у Карстена немножко другой характер. Он хочет стать писателем. Все время стучит на машинке, если у него нет покупателей. Сидит в подсобке и стучит на машинке. Пишет статьи в разные журналы, сочиняет что-то... Когда мы рассказали ему о том, что появился покупатель, он отнесся к нашим планам без всякой враждебности.

– А может быть, именно поэтому Рейдар отказался продавать магазин? Может быть, он пекся об интересах Карстена, хотел, чтобы у сына сохранилась работа?

– Нет, я так не думаю, – искренне ответил Арвид.

– Похоже, вы вполне уверены в своих словах, – заметил Фрёлик, поднимая голову.

– По-моему, Рейдар не стал бы скрывать от нас своих намерений, если бы он был против сделки из-за Карстена. Рейдар особой скрытностью не отличался.

– Как вы думаете, почему Рейдар отказался продавать магазин?

– По-моему, из вредности. Чтобы в очередной раз продемонстрировать нам, кто главный. И потом, одна мысль о том, что он больше не будет работать, казалась ему невыносимой. Наверное, это самая важная причина. Рейдар так и не смирился с тем, что он тоже стареет. Рейдар был из тех, кто отрицал само существование смерти.

Фрёлик записал последнюю фразу и несколько секунд формулировал следующий вопрос:

– Нам сообщили, что на вас работал некий Юнни Стокмо...

– Больше не работает.

– Ну да, Рейдар его выставил. За что?

– Я вообще удивлялся, как он ухитрился так долго терпеть выходки Юнни, – с едва заметной улыбкой заметил Арвид. – О причинах могу лишь догадываться. Ничего доподлинно не знаю. Юнни – непростой человек. Крепкий орешек. Они с Рейдаром никогда не ладили. Оба гордецы. Скорее всего, кто-то из них обиделся, решил, что задета его честь.

– Но из-за чего они поссорились?

– Бог знает. Во всяком случае, мне об этом неизвестно.

– У Рейдара было много врагов?

Арвид широко улыбнулся:

– Если вы имеете в виду ссору с Юнни, то это просто глупость. Должно быть, Рейдар каким-то образом его оскорбил. Нам казалось, что пройдет время и Юнни вернется поджав хвост.

– Почему антиквариат? – вежливо спросил Фрёлик.

– Еще кофе хотите?

– Нет, спасибо. – Фрёлик наблюдал, как хозяин подливает себе портвейна. На конце его синевато-багрового носа росли два седых курчавых волоска. Фрёлик повторил вопрос.

– Ах, долго рассказывать. Все началось с бумаги. – Фольке-Есперсен скрестил руки над животом.

– С бумаги?

– Да. Знаете, никто из нас не получил хорошего образования. Эммануэль в юности работал учеником каменщика. Кстати, это он построил соседний дом – вы проходили мимо, когда направлялись ко мне. Конечно, не один построил, а вместе с другими... А я начинал мелким клерком в банке, который давно разорился. Рейдар был самым умным из нас, но именно он учился меньше всех. Он работал курьером в «Афтенпостен». В молодости Рейдар был идеалистом. Он, например, довольно долго верил, что можно разбогатеть честным путем.

Фрёлик поднял голову и встретился с добродушной улыбкой сидевшего напротив Арвида.

– Вместе с тем Рейдар отличался практичностью. Не выносил, когда выбрасывают хорошие, по его мнению, вещи. Так, он выяснил, что типографии выкидывают много бумаги – той, что остается на рулонах. На каждом рулоне оставалось по несколько метров. Если учесть, сколько бумаги требуется в газетном производстве, выходило довольно много. На каждом рулоне оставалось примерно вот столько. – Арвид показал пальцами. – Бумага превосходного качества, а ее просто выкидывали, потому что не знали, что с ней делать.

Фрёлик кивнул.

Потеплев от воспоминаний, Арвид наклонился вперед и доверительно продолжал:

– И никто не считал, сколько там этих остатков. Рейдару бумага доставалась даром. Его даже благодарили за то, что он вывозит рулоны с остатками из типографий. А между тем в то время во многих странах мира газетная бумага была в дефиците.

– И Рейдар ее перепродавал?

Фольке-Есперсен кивнул:

– Из его невинного хобби выросло целое предприятие. Он неплохо заработал на бумажных остатках, а потом переключился на антиквариат и предметы старины.

– Кому он продавал бумагу?
– Всем, кому она была нужна. Газеты выпускают и в Южной Америке, и во многих странах Африки...

Фрёлик кивнул.

– А потом, значит, он переключился на антиквариат?

– Точно, – кивнул Арвид.

– Почему?

– Даже не знаю... – Арвид снова выпрямился. – Наверное, причин было несколько. Естественно, самыми важными стали финансовые. С бумагой, перед тем как продавать ее, нужно было повозиться – ну, то есть перемотать остатки на новые рулоны, чтобы потом ее можно было заново использовать в газетном производстве. Пока Рейдар получал остатки за спасибо, производственные и транспортные расходы окупались, но потом и типографии смекнули, что глупо выкидывать деньги... К тому же во всем мире начался экономический спад, а вырубать джунгли тогда еще не додумались. В наши дни бумагу делают из эвкалиптов и дешевой русской древесины... В общем, бумажный бизнес заглох.

– Но все-таки, почему именно антиквариат?

Арвид вскинул голову.

– Почему не что-нибудь другое? – пояснил Фрёлик. – Почему его так заинтересовали предметы старины?

Арвид пожал плечами, развел руками и широко улыбнулся:

– Понятия не имею!

Фрёлик молча смотрел на него. Арвид мелкими глотками пил портвейн и улыбался.

– Наверное, какое-то отношение к делу имела любовь Рейдара к предметам, красивым вещам, – сказал он. – Может быть, на него повлияла и Маргрете – мать Карстена, которая давно умерла. Маргрете была ужасной снобкой. Обожала окружать себя красивыми, дорогими вещами. Но главное, Рейдар вбил себе в голову, что деньги можно делать на отбросах, то есть на том, что другие выбрасывают на помойку. В этом смысле он... Рейдар мыслил очень прогрессивно, так сказать, оказался впереди своего времени. Теперь все перерабатывают, переделывают, пере... не знаю что. Конечно, вы правы. Все должно было начаться с чего-то конкретного. Я уже не помню, с чего именно. Рейдар вдруг начал скупать и продавать всякие диковинки, а потом выяснилось, что мы, все трое, неплохо на этом зарабатываем. Но с чего все началось – я уже и не помню.

Фрёлик записал: «Почему антиквариат? Арвид Ф.-Е. ответа не знает». Он задумчиво погрыз ручку и спросил:

– Вчера вы больше не общались с братом?

– С которым?

– С Рейдаром. Вы с ним потом, позже не общались?

Арвид медленно покачал головой.

Фрёлик неуверенно улыбнулся, не зная, как лучше выразиться.

– А ведь немного странно, верно? – негромко спросил он.

– Что странно?

– Ну... Он сорвал сделку, ранил вашу собаку...

– Я ему не звонил.

– А Эммануэль?

– Об этом вам лучше спросить у самого Эммануэля.

Фрёлик окинул внимательным взглядом сидевшего напротив старика. Он вдруг показался ему брюзгливым и ото всего отрешенным.

– Вы с Эммануэлем вчера ничего не планировали в связи с Рейдаром?

– Что значит «не планировали»?

– А вот что. – Фрёлик закрыл блокнот. – Если бы я, например, столкнулся с таким ожесточенным сопротивлением собственной сестры – брата у меня нет, – я бы, наверное, попробовал с ней поговорить, объясниться. По-моему, такой шаг вполне естествен.

– Конечно, именно так мы и собирались поступить.

– В самом деле? Но так и не осуществили своего замысла?

– Нет.

– Значит, вы не пытались связаться с Рейдаром?

– Нет.

Фрёлик взял блокнот.

– Заранее извините за неприятный вопрос, – осторожно начал он, – но такая уж у меня работа. Я вынужден спросить, где вы были в пятницу вечером.

– Здесь.

– В своей квартире? Один?

– С собачкой Сильви.

– Кто-нибудь может подтвердить, что вечером вы были дома?

– Думаете, я способен убить родного брата?

Фрёлик напустил на себя виноватое выражение:

– Прошу прощения, но мне нужно получить ответ на поставленный вопрос.

– Н-нет, не думаю, что кто-нибудь может это подтвердить.

– Вам кто-нибудь звонил?

Есперсен покачал головой.

– Может быть, вы выводили собаку на прогулку и вас кто-нибудь видел?

– Сильви делает свои дела в ящике на веранде...

– Вы долго пробыли у ветеринара?

– Когда вернулся, было уже темно. По-моему, мы были дома в пять или пол шестого.

– Хорошо, – буркнул Фрёлик, поднимая голову. – И последнее. Вам что-нибудь говорит число сто девяносто пять?

– Сто девяносто пять? – Арвид медленно покачал головой. – Нет. По-моему, нет...

– А не могло это число иметь какое-то значение для вашего брата?

– Понятия не имею, – ответил Есперсен, скидывая руки вверх. – Почему вы спрашиваете?

Фрёлик не ответил.

Арвид Фольке-Есперсен задумался.

– Сто девяносто пять... – бормотал он. – Нет, в самом деле понятия не имею. Извините.

Глава 13

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

В тот же день инспектор Гунарстранна поехал на склад Фольке-Есперсена на улице Бертрана Нарвесена. Ключ, который он реквизировал у Карстена Есперсена, сработал отлично. Он перешагнул высокий порог и очутился внутри. Дверь на пружинах с грохотом захлопнулась; в просторном помещении послышалось гулкое эхо. Гунарстранна огляделся по сторонам. Повсюду штабелями стояли столы и стулья, кресла-качалки, сундуки, чемоданы, комоды, напольные часы в красивых резных шкафчиках. Он задрал голову и оглядел ряд высоких, под самым потолком, окон, из которых лился тусклый свет. Между вещами были оставлены узкие проходы, пробираться по которым можно было только боком. В дальнем углу имелась лестница – она вела на второй этаж. На верхней площадке Гунарстранна увидел дверь. Прежде чем войти, он повернулся и посмотрел на склад сверху. Между двумя буфетами с ржавыми петлями он заметил старую металлическую угольную плиту. Рядом с ней стояла деревянная резная статуэтка негритенка. Инспектор Гунарстранна задумался. Неужели такой хлам хоть сколько-нибудь стоит? Может быть, для кого-то здесь настоящая сокровищница, а по его мнению – куча мусора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.